

ISSN 2500-3488

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2017 1 (770)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
EDUCATION AND PEDAGOGICAL STUDIES**

Issue 1 (770)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Выпуск 1 (770)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
Главный редактор
доктор педагогических наук, профессор **Н. Ф. Коряковцева**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф. (Испания)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И.А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ириханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О.К. Ириханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А.Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г.Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С.С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. Х. Милитосян, канд. пед. наук, доц. (Армения)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л.А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р.К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М.Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т.С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Педагогические науки *А. А. Вербицкий*, д-р пед. наук, канд. психол. наук, проф., академик РАО
Н. Д. Гальскова, д-р пед. наук, проф. (МГОУ)
С. И. Денисенко, д-р пед. наук, проф. (МГЛУ)
Л. С. Каменская, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
М. А. Лямзин, д-р пед. наук, проф. (МГЛУ)
Н. Ю. Мороз, канд. филол. наук (МГЛУ)
Т. Ю. Полякова, д-р пед. наук (МАДИ)
А. С. Соколова, д-р пед. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фролова, канд. пед. наук, проф. (МГЛУ)
Н. С. Харламова, канд. пед. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Яроцкая, д-р пед. наук, доц. (МГЛУ)

Психологические науки *Р. И. Мачинская*, д-р биол. наук, проф., член-корр. РАО (ФГБНУ ИВФ РАО)
Т. И. Пашукова, д-р психол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. А. Троицкая, канд. психол. наук (МГЛУ)

Юридические науки *И. И. Василишин*, канд. юрид. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Казакова, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горожанов А. И.

О способах представления активного вокабуляра в узлах
институциональной обучающей виртуальной среды 9

Демина Д. А.

Трехмерность языка в лингводидактике 17

Лобанов С. В., Бирюков А. А.

Балльно-рейтинговая система оценки успеваемости
студентов вузов по дисциплине «физическая культура» 27

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кошелева Ю. П.

Целевая направленность профессиональной идентичности
обучающихся в вузе 36

Эмильбекова А. Э.

Проблема профессиональной идентичности в психологии 47

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимочкин В. И.

Необходимая оборона и критерии ее правомерности
(сравнительно-правовой анализ) 55

Ахметжанова Д. Х., Кальгина А. А.

Родовое и альтернативное обязательства: сходство и отличие 73

<i>Зубкова В. И.</i>	
Предмет сравнительного правоведения в сфере уголовного права и его значение	81
<i>Иншаков С. М.</i>	
Конституционные основы обеспечения национальной безопасности	89
<i>Казакова В. А.</i>	
Учет многообъектности коррупционных преступлений в уголовной политике Российской Федерации	101

CONTENTS

PEDAGOGICAL STUDIES

<i>Gorozhanov A. I.</i> About the Ways of Representing Active Vocabulary in the Institutional Virtual Learning Environment's Nodes	9
<i>Demina D. A.</i> Three-Dimensionality of Language in Linguodidactics	17
<i>Lobanov S. V., Birjukov A. A.</i> Score-Rating Systems Assessment of Achievement of University Students on Discipline "Physical Culture"	27

PSYCHOLOGICAL STUDIES

<i>Kosheleva Yu. P.</i> Students' Goal Professional Identity in Higher School	36
<i>Emilbekova A. E.</i> The Problem of the Professional Identity in Psychology	47

LEGAL STUDIES

<i>Akimochkin V. I.</i> Necessary Defense and Criteria of Its Legality (Comparative Law Analysis)	55
<i>Akhmetzhanova D. Kh., Kalgina A. A.</i> Indeterminate and Alternative Obligations: Similarity and Difference	73

<i>Zubkova V. I.</i> Comparative Law in the Sphere of Criminal Law and Its Significance	81
<i>Inshakov S. M.</i> Constitutional Bases for Ensuring National Security	89
<i>Kazakova V. A.</i> Account of the Multifaceted Nature of Corruption Crimes in the Criminal Policy of the Russian Federation	101

УДК 81-139

А. И. Горожанов

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

О СПОСОБАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АКТИВНОГО ВОКАБУЛЯРА В УЗЛАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье приводятся три способа представления активного вокабуляра в дистанционных курсах иностранных языков, выполненных в LMS Moodle и апробированных в Центре дистанционного обучения ФГБОУ ВО МГЛУ в качестве узлов экспериментальной институциональной обучающей виртуальной среды. Способы излагаются в последовательности от простого к сложному с точки зрения автора курса. Приводятся примеры использования настроек модуля «гlossарий» для учета особенностей того или иного иностранного языка. Делается вывод о достижении максимальной эффективности при использовании всех трех способов в рамках одного дистанционного курса.

Ключевые слова: активный вокабуляр; институциональная обучающая виртуальная среда; узел институциональной обучающей виртуальной среды; дистанционный курс иностранного языка; LMS Moodle.

A. I. Gorozhanov

PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language
Grammar and History, Faculty of German, MSLU;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

ABOUT THE WAYS OF REPRESENTING ACTIVE VOCABULARY IN THE INSTITUTIONAL VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT'S NODES

In the paper three ways of active vocabulary in a foreign language e-learning Moodle course are represented that have been tested at the MSLU E-Learning Centre as nodes of an experimental institutional virtual learning environment. The ways are arranged in order from simple to difficult from the course author's point of view. The

examples of using adjustments for Glossary activity are given to take into account distinctive features of the given language. The conclusion is being made that the combination of all three ways in one e-learning course is effective and preferable.

Key words: active vocabulary; institutional virtual learning environment; institutional virtual learning environment's node; foreign language e-learning course; LMS Moodle.

Разработка концепции институциональной обучающей виртуальной среды (далее – ИОВС), основная задача которой состоит в том, чтобы помочь будущим профессионалам сделать свой первый шаг к полноценному существованию в ОВС (обозначим ее как «макро-ОВС», по отношению к которой институциональная ОВС может являться узлом или «микро-ОВС», так как сама может состоять из узлов), представляется нам одной из первоочередных задач при развитии проблем непрерывного лингвистического образования в рамках непрерывного профессионального образования [Анищенко, Гусейнова 2013, с. 63].

ИОВС могут быть неоднородны по задачам, которые перед ними ставятся. Они могут служить «точкой входа» в макро-ОВС (основная задача), могут быть коммерческими – для реализации платных образовательных программ, узкозадачными – для проведения тестирования или для организации форума поддержки для разового мероприятия и пр.

Определим ИОВС образовательной организации (например, вуза) как *населенное организованное и организующееся динамичное профессиональное институциональное информационное пространство, которое служит цели приращения положительного знания, а также выполняет ряд частных задач, состоит из связанных узлов, размещенных в Интернете и доступных через авторизованную учетную запись с распределением ролей, предусматривает свое дальнейшее развитие в направлении улучшения своего качества при увеличении полученного в ней опыта в форме обратной связи и является индивидуализированным инструментом повышения профессионализма во время обучения (работы) в образовательной организации.*

Приведенное определение можно считать универсальным для различных видов ИОВС, при характеристике которых потребуются только уточнить частные задачи: подготавливать пользователя к дальнейшему полноценному существованию в условиях макро-ОВС для ИОВС(т) – «точки входа», способствовать осуществлению

коммерческой деятельности для ИОВС(к) – «коммерческой» или решать другую, более узкую задачу для ИОВС(у) – «узкозадачной».

Остановимся немного подробнее на ИОВС(т). Предположим, что основным техническим решением для нее станет LMS Moodle, которая предусматривает авторизованную учетную запись и распределение ролей. Пространство будет населяться студентами и преподавателями вуза, причем в этом случае, в связи с большим количеством студентов, рекомендуется не закрывать систему от самостоятельной записи для всех желающих, но настроить доступ к курсам (узлам) по кодовому слову, регулярно проводя мониторинг учетных записей для очистки базы данных от несанкционированно записавшихся. Например, удалять все учетные записи, которые не самораспределились по курсам в течение недели. Самостоятельная запись и последующее самостоятельное распределение по курсам отвечает принципу *самоорганизации* ИОВС(т). В качестве узлов можно рассматривать сами курсы. Подготовка пользователей (студентов) к дальнейшему полноценному существованию в условиях макро-ОВС осуществляется за счет применения компонентов Web 2.0.

При этом для полноценного функционирования ИОВС(т), на наш взгляд, необходимо наличие:

- методики преподавания реализуемых образовательных программ (дисциплин);
- опыта преподавания реализуемых образовательных программ (дисциплин);
- программного обеспечения для реализации ИОВС(т);
- методологической базы (методики) применения программного обеспечения;
- кадровой структуры управления программным обеспечением;
- квалифицированных работников, способных эффективно работать в ИОВС(т);
- кадровой структуры управления ИОВС(т), профессионально понимающей все перечисленные выше процессы;
- устойчивого желания работников вуза внедрять новаторские решения.

Первые два условия являются базовыми в том смысле, что они необходимы для реализации касающейся образовательной программы (дисциплины) при любой форме обучения, даже без использования узлов ИОВС(т).

Следующим важным примером может служить ИОВС(к). Ее главное отличие от ИОВС(т) заключается в том, что доступ в узлы будет предоставляться пользователям на возмездной основе, причем без всякого умаления главной цели – приращения положительного знания. При этом требования для полноценного функционирования могут быть дополнены пунктом «наличие квалифицированных кадров в области управления бизнес-процессами».

Дальнейшее рассмотрение способов представления активного вокабуляра будет строиться на опыте развития узлов ИОВС(к) в виде дистанционных курсов иностранных языков Центра дистанционного обучения ФГБОУ ВО МГЛУ. Тем не менее мы обозначим эти способы как эффективные в условиях ИОВС любого вида по причине универсальности решаемой ими задачи – формирования лингвистической компетенции.

Каждый дистанционный курс иностранного языка, как и любой традиционный курс, немислим без словаря-минимума. Эта мысль становится очевидной для авторов учебников уже в XVII в. начиная с Яна Амоса Коменского [Рахманов 1967, с. 6]. Однако с появлением электронных форматов представления учебных материалов перед авторами встает проблема не только отбора единиц для словаря, но и выбора наиболее удобного и эффективного способа его представления.

Прежде всего, можно интегрировать списки активного вокабуляра в отдельный модуль каждой темы курса (при его тематической организации). Он может помещаться в любом месте темы, однако следует делать его независимым от какого-либо другого модуля, для того чтобы он был доступен обучающемуся на протяжении всего времени работы над темой, не распространяя на него действие подсистемы зависимости модулей друг от друга [Горожанов 2016, с. 58]. При такой форме представления список слов можно будет распечатать или сохранить в отдельном файле, однако обращаться к нему из других модулей курса напрямую будет невозможно. Этот способ мы охарактеризуем как самый простой для исполнения с позиции составителя курса.

Далее, возможно использовать специальный модуль LMS Moodle – «глоссарий» [Glossary activity 2017]. В него можно вносить ключевые слова, снабжая их определением (например, переводом) или набором словоформ, относящихся к заданному ключевому слову.

Изначально глоссарий (как и сама LMS Moodle) не был предназначен для обучения иностранным языкам, однако его можно достаточно эффективно использовать для этой цели благодаря дополнительным настройкам и уже упомянутой возможности ввода словоформ. Важнейшей настройкой является установление *автосвязывания*, т. е. автоматического превращения всех ключевых слов и словоформ глоссария во всех текстах курса в гиперссылки, ведущие к определению активированного ключевого слова или его словоформы: при нажатии на ключевое слово (словоформу) на экране появляется окно с определением к нему. Также очень полезны настройки чувствительности к регистру и соответствия полным словам, которые позволяют учитывать особенности тех или иных языков при составлении глоссария. Например, для немецкого языка, различающего написание с большой и маленькой буквы, необходимо включать чувствительность к регистру (ср. глагол *abkommen* и существительное *Abkommen*), а для английского языка этого делать не следует. Соответствие полным словам рекомендуется включать всегда, принимая во внимание тот факт, что знак дефиса для глоссария приравнивается к пробелу, т. е. при ключевом слове *EU* связывание произойдет с такими сочетаниями, как, например, *EU-Länder* или *EU-Staaten*. Приведем несколько более подробных примеров.

Для ключевого немецкого словосочетания «UNESCO-Welterbe» мы выбрали определение: «n, -s, kein Pl. : всемирное наследие ЮНЕСКО». Но поскольку главное слово словосочетания может встретиться в форме родительного падежа единственного числа, а также иметь вариант *Weltkulturerbe*, который, в свою очередь, также может встретиться в родительном падеже, то список словоформ был составлен из трех единиц: *UNESCO-Welterbes*, *Weltkulturerbes* и *Weltkulturerbe*.

При внесении в глоссарий немецких глаголов, имеющих богатую парадигму, достаточно прежде всего сосредоточиться на словоформах, которые встречаются в текстах курса. Некоторая сложность возникает при работе с немецкими глаголами с отделяемыми приставками, которые в текстах употребляются в формах, предусматривающих отделение приставки (*Steh bitte auf!* или *Der Zug kommt um 2 Uhr an.*). В этом случае придется вносить в список словоформ целые фрагменты контекста употребления, позволяющие программе безошибочно найти ключевое слово (*kommt um 2 Uhr an*).

При омонимии эффективным решением будет также использование контекста. Например, если для немецкого глагола *schaffen*, проявляющего сильную и слабую формы с различием значения, не учесть контекст для примеров: *Der Künstler muss immer schaffen* и *Ich möchte mit dieser Sache nichts mehr zu schaffen haben*, то отличить сильное значение «творить» от слабого «справляться, работать и др.» будет невозможно.

Важной особенностью глоссария является функция резервного сохранения в файле XML. Это дает возможность его последующей обработки с помощью специального программного обеспечения, которое было создано и использовано нами для интеграции в дистанционный курс коммуникативной грамматики немецкого языка *тренажера вокабуляра*.

Сама программа написана на языке программирования Python и содержит всего 14 строк кода:

```
import re
from xml.dom import minidom
xmldoc = minidom.parse('Вокабуляр.xml')
conceptlist = xmldoc.getElementsByTagName('CONCEPT')
deflist = xmldoc.getElementsByTagName('DEFINITION')
line = «»
for i in range(len(conceptlist)):
    line += '»' + conceptlist[i].childNodes[0].data + « ||
« + deflist[i].childNodes[0].data + '», '
    line = line.replace(«<p>», «\n»)
    line = line.replace(«<br />», «\n»)
    line = re.sub('<[^<]+?>', ' ', line)
    line = line.replace(«\n\n», « | «)
    line = line.replace(«\n», « | «)
print(line[:-1])
```

Результатом работы программы является строка, которая имеет специальный формат:

```
[«Abtei || | f, -, -en : аббатство»,»vorbeigehen
|| | stark, an D : проходить (мимо кого-либо, чего-
либо)»,»UNESCO-Welterbe || | n, -s, kein Pl. : всемир-
ное наследие ЮНЕСКО», «schaffen || | schw. V. schaffte,
geschafft : справиться, сделать | st. V. schuf, ge-
schaffen : творить, создавать”]
```

Здесь в двойных кавычках расположены записи, которые отделены друг от друга запятой. Внутри каждой из них заголовок словарной статьи (ключевое слово) отделен от содержания словарной статьи (определения) двойной вертикальной чертой. Затем из содержания удаляется первая одинарная вертикальная черта. Если в определении присутствует еще одна одинарная вертикальная черта, то она будет видимой, разделяя различные значения лексической единицы.

После этих изменений заголовки статьи и ее содержание готовы для размещения на веб-странице тренажера, встроенную в модуль курса «гиперссылка» с внедренным изображением и написанную на языке программирования PHP, на котором написана и LMS Moodle. Тренажер выводит случайным образом десять единиц (ключевых слов) вокабуляра из преобразованного файла XML глоссария. При нажатии на ключевое слово левой кнопкой мыши под ним открывается прямоугольный контейнер с определением; при повторном нажатии на ключевое слово контейнер скрывается. При активации специальной кнопки «Вывести другие 10 единиц вокабуляра» происходит соответствующий вывод. Доступ к тренажеру предоставляется только участникам курса, что позволяет говорить о высокой степени его интеграции в LMS Moodle.

Благодаря тому, что динамическая часть тренажера выполнена на языке JavaScript без использования дополнительных библиотек, он будет должным образом функционировать во всех современных популярных веб-браузерах, включая также мобильные версии.

Интерфейс тренажера выполнен в строгом соответствии с требованиями ОВС:

- на веб-страницах не должно быть никакой информации, которая отвлекала бы пользователя от решения конкретной профессиональной задачи;
- руководящими принципами при построении интерфейса должны быть принципы минимализма и функциональности;
- желательно, чтобы была предусмотрена мобильная версия;
- элементы управления, включая панель навигации, не должны бросаться в глаза;
- нужно стараться, чтобы содержание одной страницы помещалось в один экран, избегая при этом горизонтальной прокрутки;
- не следует использовать динамические объекты (всплывающие подсказки, мигающие объекты, бегущие строки и пр.) без крайней профессиональной необходимости;

- не рекомендуется использовать более трех цветов (один из которых – светлый цвет фона), за исключением экстренных случаев создания намеренной экспрессии в профессиональных целях;
- шрифты должны ясно читаться [Горожанов 2016, с. 60–61].

В заключение можно сделать вывод об успешной апробации трех способов представления активного вокабуляра в языковых курсах LMS Moodle. Первый способ является самым простым для исполнения, второй задействует внутренние возможности LMS Moodle – модуль «глоссарий», третий требует применения специального программного обеспечения и способности модифицировать файлы на веб-сервере системы управления обучением. Наиболее эффективным представляется одновременное использование всех трех способов в рамках одного курса для предоставления слушателю гибкости в выборе наиболее подходящей для него траектории обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анищенко А. В., Гусейнова И. А.* Второе высшее лингвистическое образование: перспективы развития в XXI веке // Функциональное проявление современных языков. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 59–68. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 19 (679). Т. 2. Сер. Языкознание.)
- Горожанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития : монография. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 110 с.
- Горожанов А. И.* LMS Moodle как инструмент разработки курсов иностранных языков – узлов обучающей виртуальной среды // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 17 (756). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 55–64.
- Рахманов И. В.* Предисловие к словарю наиболее употребительных слов немецкого языка. М. : Советская энциклопедия, 1967. 528 с.
- Glossary activity // Moodle Documentation. URL : https://docs.moodle.org/30/en/Glossary_activity (дата обращения: 15.01.2017)

УДК 372.881.1

Д. А. Демина

кандидат педагогических наук, зав. кафедрой лингвистики
и профессиональной коммуникации в области теологии, МГЛУ;
e-mail: dasha_k@mail.ru

ТРЕХМЕРНОСТЬ ЯЗЫКА В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Автор статьи показывает, что язык может рассматриваться в пространственных категориях с применением к нему свойств пространства, и что данный факт может найти свое применение в учебном процессе.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков; трехмерность языка; трехмерность ментальных структур; лингводидактика.

D. A. Demina

PhD (Pedagogics), Head of Department of Linguistics
and Professional Communication in the Sphere of Theology, MSLU;
e-mail : dasha_k@mail.ru

THREE-DIMENSIONALITY OF LANGUAGE IN LINGUODIDACTICS

The author demonstrates that language can be analyzed in categories of space and the properties of space can be applied to language, this fact can be applied in educational process.

Key words: methods of teaching foreign languages; three dimensionality of language; three-dimensionality of mental structures; linguodidactics.

Пространство является формой существования, упорядочения мира, к его свойствам относится трехмерность / объемность. Исходя из этого мы выдвинули гипотезу, что свойство трехмерности пространства (точнее, 3+1, учитывая временное измерение) не только находит свое отражение в концептуальной и языковой картинах мира, но влияет на структуру языка. Мышление «дано нам прежде всего в языке <...> Но и язык, с другой стороны, существует только в неразрывной связи с мышлением» [Щедровицкий 1957, с. 58]. «Человек устроен так, что знание неотделимо от языка. Приобретая представление о внешнем мире ... детализируя и развивая свою картину мира ... человек одновременно овладевает языком ... развивает свою языковую способность, или компетенцию» [Караулов 2004а, с. 200].

Наше предположение опирается на некоторые исследования последних лет, в которых язык всё чаще рассматривается как пространство, к нему применяются свойства пространства.

Так, Ю. С. Степанов предлагает рассматривать язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи [Степанов 1985]. Н. И. Формановская выделяет прагматическое пространство языка: «Как известно, в процессе общения с помощью языка на первый план выступает субъект речевых действий, определяющий и очерчивающий некое прагматическое коммуникативное пространство. Прагматическим пространством языка образно назовем ту обширную зону, где язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности, и пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности: а) называет; б) указывает; в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы» [Формановская 1998, с. 9]. Ю. Е. Прохоров делает вывод о том, что языковая личность реализуется в «языковом пространстве – структурированной совокупности языковых знаний и умений их реализации, необходимо присваиваемой личностью в процессе ее речевой деятельности в данной лингвокультурной общности» [Прохоров 1999, с. 57].

Часто категория пространства применяется к различным уровням языка. Например, в исследованиях, посвященных структуре текста, затрагивается вопрос о соотношении пространства и текста. При этом: 1) текст размещается в реальном пространстве, к нему применяются свойства пространства и 2) пространство является текстом, оно может быть понято как сообщение.

В первом направлении Т. М. Николаева определяет текст как объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность (свойства пространства) [Лингв. энци. словарь 1990, ст. Николаевой, с. 505].

Также и М. И. Шапир применяет свойства пространства к тексту и проводит параллели между трехмерностью физического мира и трехмерностью текста, который «служит одним из способов экстерриоризации внутреннего (когнитивного) пространства на “естественном” языке». Согласно М. И. Шапиру, текст имеет три ортогональных измерения: «Первое задано протяженностью текста от начала к концу; с известной долей условности эту координату можно назвать речевой.

Второе измерение организуется иерархией грамматических уровней (морфемного, лексемного, синтаксического и других), параллельно которой разворачивается иерархия чисто формальная: дифференциальные признаки – фонемы – слоги – такты и др.: эту координату текста... *можно назвать* ... собственно языковой. Значимая и незначимая единицы, даже находясь в одном и том же месте текста, на одном и том же иерархическом уровне, будут обязательно отличаться по третьей координате – семиотической: любой знак, вне зависимости от уровня, занимает особое положение на оси предмет – понятие» (то есть указывает или не указывает на денотат, имеет значение или не имеет и т. д.) [Шапир 1995, с. 17–18].

Т. Е. Овчинникова характеризует текст и его структуры при помощи пространственных концептов: текст содержит места или пункты, которые в рамках изложения могут располагаться выше, ниже, в центре или находиться впереди либо позади. При этом человеческую речь и ее восприятие автор рассматривает как акустические явления, не обладающие пространственным измерением [Овчинникова 2009, с. 73].

Е. И. Диброва применительно к тексту говорит о графическом пространстве: текст представляет собой материальный объект – площадь, заполненную языковыми графическими формами словесно-буквенного типа. Автор также выделяет в тексте семантическое пространство (отражение авторского кредо, целеустановки и замысла во всем тексте произведения, материализация контекстом воли авторской интерпретации) [Диброва 1999, с. 104–107].

Что же касается пространства как текста, то это понятие связано с пространством созерцания (“*Anschauungsraum*”), «то есть категорией содержания сознания, которая выступает как эквивалент реального пространства в *непространственном* сознании и имеет непосредственное отношение к пониманию и интерпретации текста» [Топоров 1983, с. 227]. Воспринимающее сознание (Я) «приспосабливается к изменяющемуся внешнему миру, данному как текст (сообщение), предполагает определенное единство Я и мира...» [там же, с. 228]. Таким образом, «в распознающем и интерпретирующем устройстве потребителя текста есть то, что есть и в самом тексте». «В представлениях есть пространство: то, что в них представляется, представляется как пространственная протяженность. Это ... приспособление сознания к внешнему миру ...» [там же, с. 227]. Н. Гартман

определяет пространство созерцания как представляемую пространственность, как категорию содержания сознания, что вытекает из основной линии его учения о познании, согласно которой познаваемость природы покоится на частичном совпадении категорий бытия с категориями познания [Горнштейн 1969, с. 212].

Категорию пространства ученые применяют не только по отношению к языку и его уровням, но и к речи и процессу коммуникации. Ю. Е. Прохоров, например, выделяет коммуникативное пространство, в котором может реализовать себя языковая личность. Под коммуникативным пространством ученый понимает «совокупность сфер речевого общения, в котором определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия» [Прохоров 1999, с. 60].

Б. М. Гаспаров называет коммуникативным пространством «мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности». Такое пространство необходимо коммуниканту для создания и / или интерпретации сообщения. Коммуникативное пространство «включает в себя коммуникативную ситуацию, со всем множеством наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника. В процессе речевого взаимодействия говорящий, слушающий и / или наблюдатель создают единое коммуникативное пространство» [Гаспаров 1996, с. 295].

И. Э. Клюканов развивает понятие коммуникативного универсума, который связывает с проблемой межкультурного взаимодействия. Коммуникативный универсум межкультурного взаимодействия может быть представлен как пересечение трех осей координат: действительности, языка и сознания [Клюканов 1989]. Поскольку любое явление, расположенное в системе трех координат, – пространственное, то можно говорить о коммуникативном универсуме как о пространстве. При этом И. Э. Клюканов отмечает, что «общение между разными культурами (которые пределяет как коммуникативные личности) возможно лишь потому, что различные позиции (оценки) объектов устанавливаются на одних и тех же координатах» [Караулов 2004b, с. 28]. «Это значит, что в своих коммуникативных потребностях любая личность

может в общении с любой культурой (в моно- или межкультурном общении) “разложить” ее для осуществления коммуникации только в тех координатах, которые и могут существовать в ней как в личности – т. е. в трехмерных, пространственных координатах» [Прохоров 1999, с. 61].

Опираясь на определение С. Л. Рубинштейна, согласно которому «речь – язык в действии» и «речь – это язык, функционирующий в контексте индивидуального сознания» [Рубинштейн 2002, с. 413], мы предполагаем, что речь можно рассматривать как четвертое измерение (времени), а так как категории пространства и времени тесно связаны и неотделимы друг от друга, так же неотделимо и четвертое «речевое» измерение от языковых. Так, Ю. Е. Прохоров отмечает, что «в работах последнего времени все более отчетливо прослеживается мысль о том, что и уровни языковой структуры, и уровни владения языком – явления многомерные, при рассмотрении которых объективно необходим учет реализации “языка в речи”» [Прохоров 1999, с. 56].

Таким образом, мы видим, что язык всё чаще рассматривается как пространство, на него переносятся свойства пространства. Однако до настоящего момента не определены оси координат. Исходной точкой нашего исследования явился тот факт, что язык объемён, а что принять за нулевую точку и какие оси выбрать, зависит от поставленных задач. При решении наших задач мы применили концепцию Ю. С. Степанова, предлагающего рассматривать язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи. С нашей точки зрения, именно такой подход наиболее продуктивен, когда мы исследуем проблемы формирования вторичной языковой личности, умение мыслить в системах различных языков. Ю. С. Степанов рассматривает язык в семиотической системе и говорит, что «в семиотике язык описывается в трех измерениях – семантики, синтактики, прагматики. Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них. Синтактика – с отношениями знаков друг к другу. Прагматика (дектика) – с отношениями знаков к человеку, который пользуется языком. В своем реальном бытии язык равномерно развертывается в этих трех измерениях» [Степанов 1985, с. 3].

Нулевой точкой мы предлагаем выбрать точку полного отсутствия соответствующей языковой компетенции. Для решения конкретной задачи необходимо определить тот уровень развития компетенций,

который необходим для ее выполнения: если он ниже определенного, то либо задача не будет решена вовсе, либо возникнут ошибки. «Перемещать» по оси координат можно различные структуры в зависимости от поставленной задачи. В учебных целях мы предлагаем «перемещать» и измерять минимальные единицы знаний – когнемы (см. рис. 1).

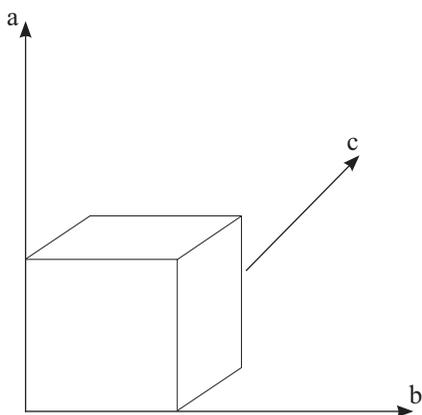

Рис. 1. Для когнемы «Fahrkarte»
Оси: a – семантика, b – синтактика, c – прагматика

Ось a – отношение знака к тому, что он обозначает. На ней должны отражаться ассоциативные связи с другими объектами в когнитивной картине мира. Выделяются согласно учебной программе.

Например, для «Fahrkarte»:

– Zug (IC, EC, ICC, etc; abfahren, ankommen, etc), Bahnhof, Bahnsteig, Zielort, Geld, Karte, Kasse, Rückgeld, Fahrplan, Abfahrtszeit.

Дополнительные ассоциации, не входящие в необходимый минимум, но встречающиеся в теме:

–1., 2. Kasse, schwarzfahren, günstige Tarife u.a.

Ось b – синтактика (сочетаемость знаков друг с другом).

Например:

eine Fahrkarte lösen / kaufen / besorgen, Fahrkarte für Hin- und Rückfahrt, eine Fahrkarte bei der Kasse kaufen, Fahrkarte für den Zug, Fahrkarte bezahlen.

Ось с: Прагматика (отношение знаков к говорящему).

Например, для когнемы «Fahrkarte» необходимо знать нормы поведения при общении с кассиром, с контролером.

Когнемы представляют из себя «фигуры знаний» – пентаграммы, связывающие в знаково-смыслокогнитивное единство пять параметров: «Смысл, конкретный способ оформления данного смысла, соответствующий ему знак (слово), указание предметной области мира, к которой относятся знак и смысл, и функция данной когнемы – общая оценка ее релевантности / нерелевантности для воссоздания образа мира» [Караулов 2004b, с. 19]. Являясь частью системы, каждая когнема обладает некоей валентностью, т. е. способностью сочетаться с другими когнемами. При этом валентность может быть разных типов: синтаксической (наиболее исследована в лингвистике), семантической, прагматической. Данная способность когнем отражается ассоциативными словарями и может быть измерена и оценена, что важно для процесса обучения, для возможности оценки сформированности необходимых компетенций. Таким образом, предложив обучающемуся какую-либо когнему для того, чтобы он раскрыл основные ее параметры, а также соединил со связанными с ней другими когнемами, можно оценить, насколько достигнуто развитие той или иной компетенции (см. рис. 2–5).

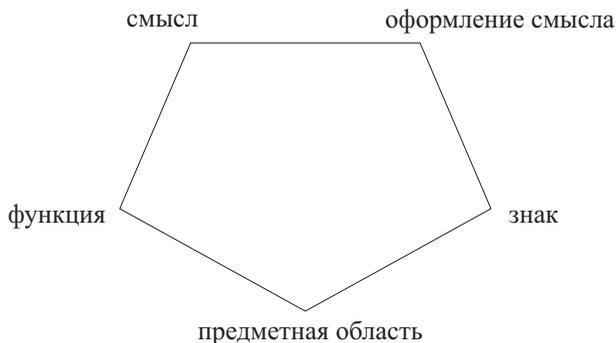

Рис. 2. Когнема

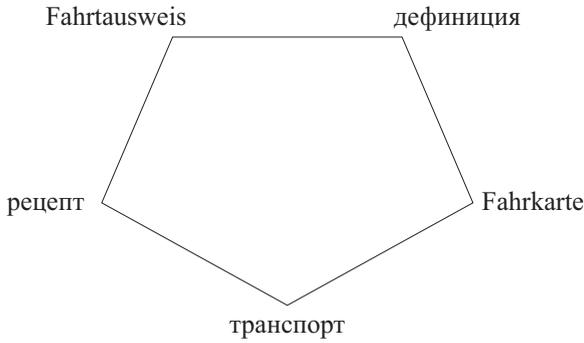

Рис. 3. Когнема «Fahrkarte»

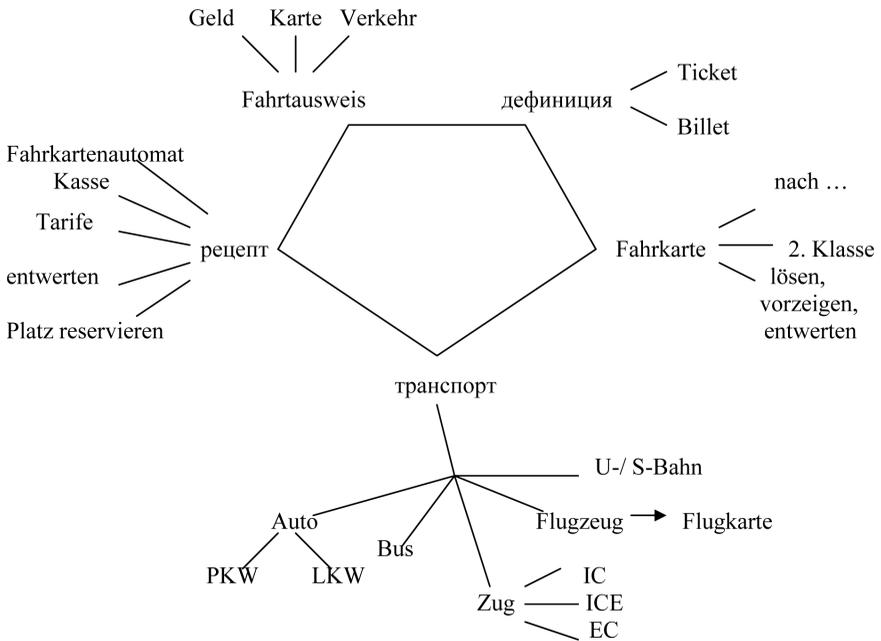

Рис. 4. Валентность когнемы «Fahrkarte» по узлам

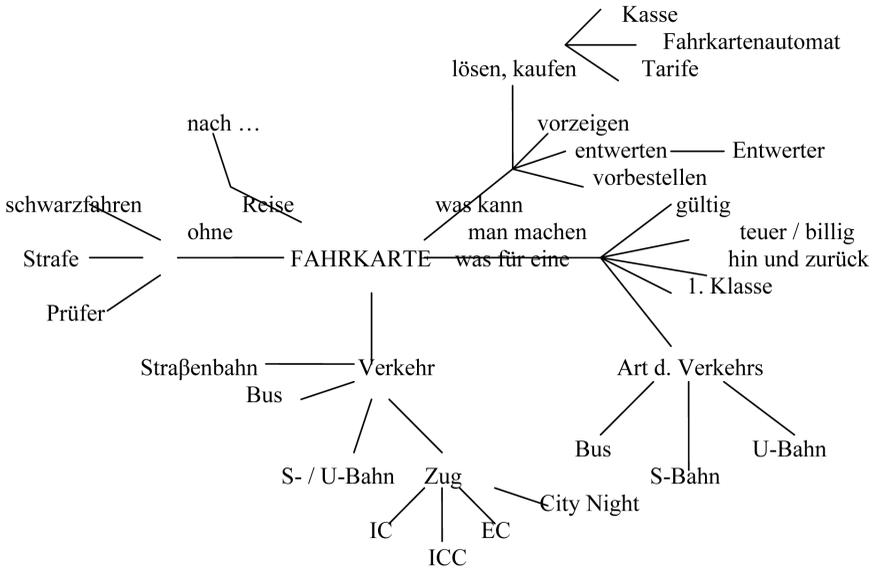

Рис. 5. Ассоциативная валентность когемы «Fahrkarte»
без разбивки по узлам

Итак, мы пришли к выводу, что восприятие пространства в трех измерениях не только находит свое отражение в мышлении и языке, но и оказывает влияние на структуру самого языка, который может рассматриваться в пространственных категориях с применением к нему свойств пространства, что может найти свое применение в учебном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Горништейн Т. Н. Философия Николая Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). Ленинград : Наука, 1969. 280 с.
- Диброва Е. И. Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Междунар. конф. М., 1999. С. 91–138.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во УРСС, 2004а. 264 с.

- Караулов Ю. Н.* Отчет о научно-исследовательской работе. Фрагмент лингвокультурологического тезауруса русского языка. Ч. 2. Москва 2004b. 151 с.
- Клюканов И. Э.* Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1989. 99 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.
- Овчинникова Т. Е.* Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 173 с.
- Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 8. М. : 1999. С. 52–64.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 728 с.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука, 1985. 332 с.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227–284.
- Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения : учеб. пособ. М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
- Шатир М. И.* «Versus» vs «Prosa». Пространство время поэтического текста // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С.7–47.
- Щедровицкий Г. П.* Языковое мышление и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 57–68.

УДК 796'011

С. В. Лобанов, А. А. Бирюков

Лобанов С. В., кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой физического воспитания МГЛУ;
e-mail: lobanov.sv.66@yandex.ru

Бирюков А. А., кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры физического воспитания МГЛУ;
e-mail: biryukov.aleksei@mail.ru

БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

В статье рассматриваются содержательные и оценочные характеристики балльно-рейтинговой системы проверки знаний студентов по дисциплине «физическая культура». Предлагаемый вариант апробирован на кафедре физического воспитания Московского государственного лингвистического университета. Показано, что балльно-рейтинговая система эффективнее традиционной методики выставления оценки студенту только по результатам сдачи контрольных нормативов по физической культуре.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система; критерии оценки; студенты; физическая культура.

S. V. Lobanov, A. A. Birjukov

Lobanov S. V., PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Head of the Department of Physical Education, MSLU;
e-mail: lobanov.sv.66@yandex.ru

Biryukov A. A., PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Professor of the Department of Physical Education, MSLU;
e-mail: biryukov.aleksei@mail.ru

SCORE-RATING SYSTEMS ASSESSMENT OF ACHIEVEMENT OF UNIVERSITY STUDENTS ON DISCIPLINE “PHYSICAL CULTURE”

The article deals with content and assessment characteristics of score-rating system of students' knowledge verification on the subject “physical culture”. The proposed option was tested at the Department of Physical Education, Moscow State Linguistic University. It was proved that the score-rating system is more efficient than traditional methods of the student's assessment only by result of passing the control standards for physical education.

Key words: score-rating system; criteria for assessment; students; Physical Culture.

В настоящее время в высших учебных учреждениях РФ вводятся положения об организации учебного процесса с использованием

системы зачетных единиц. Данные положения предусматривают использование балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов по всем дисциплинам программы обучения, в том числе и по физической культуре¹.

Цель нашего исследования – теоретическое обоснование и практическая разработка балльно-рейтинговой системы проверки и оценки студентов по дисциплине «физическая культура» с учетом специфики их обучения в вузе.

Балльно-рейтинговая система (далее – БРС) представляет собой совокупность правил, методических указаний и соответствующего математического аппарата, реализованного в программном комплексе, обеспечивающим обработку информации как по количественным, так и качественным показателям индивидуальной учебной деятельности обучающихся, позволяющим присвоить персональный рейтинг (интегральную оценку, число) каждому студенту в разрезе любой учебной дисциплины, любого вида занятий, а также обобщенно по ряду дисциплин [Артемова 2013; Габдрахимова 2012; Сазонов 2012; Тарасенко 2014].

Применительно к дисциплине «физическая культура» под балльно-рейтинговой системой понимается система количественной оценки качества освоения образовательной программы. При этом физическая культура делится на ряд самостоятельных, логически завершенных разделов (модулей) для проведения по ним контрольных мероприятий.

Цели балльно-рейтинговой системы по дисциплине «физическая культура»:

- стимулирование систематической физической тренировки студентов;
- повышение мотивации студентов к освоению учебной программы по физической культуре на базе более высокой дифференциации оценки результатов учебной работы;

¹См.: Приказ Министерства образования Российской Федерации от 09.07.2002 г. № 2654 «О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов»; Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 15.02.2005 г. № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации».

- определение реального места, которое занимает каждый студент среди сокурсников в соответствии со своими успехами по физической культуре;
- снижение роли случайных факторов при сдаче экзамена или дифференцированного зачета.

Принципы балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов по физической культуре:

- единство требований, предъявляемых к работе студентов;
- регулярность и объективность оценки результатов работы студентов;
- открытость и гласность результатов успеваемости студентов для всех участников образовательного процесса;
- строгое соблюдение трудовой и учебной дисциплины всеми участниками образовательного процесса: студентами, преподавателями, учебно-вспомогательным и административно-управленческим персоналом.

Основные *термины* балльно-рейтинговой системы:

- *модуль* – организационно-методическая структурная единица учебной программы, которая представляет набор разделов из данной дисциплины, необходимых для ее освоения (практический, теоретический, методический и спортивный);
- *текущий контроль* – оценка освоения отдельных составляющих модуля дисциплины (посещаемость занятий, сдача контрольных нормативов, выполнение методических заданий, защита рефератов, участие в спортивной работе);
- *рубежный контроль* – оценка освоения одного или нескольких модулей дисциплины;
- *итоговый контроль* – оценка освоения всей дисциплины;
- *контрольная точка* (контрольное мероприятие) – реализация текущего, рубежного или итогового контроля;
- *рейтинг* – индивидуальная накопительная оценка освоения учебной дисциплины студента в баллах, определяемая каждым видом контроля;
- *нормативный рейтинг дисциплины* – максимально возможная сумма баллов, которую студент может набрать за период освоения дисциплины. Например: нормативный рейтинг дисциплины «физическая культура» может составлять 100, 200, 300, 400, 500 или 600 баллов,

в зависимости от количества семестров освоения дисциплины. По каждому виду контроля устанавливается свой нормативный рейтинг (текущего, рубежного, итогового контроля). Нормативные рейтинги текущего и рубежного контроля в сумме составляют нормативный рейтинг семестрового контроля. Нормативный рейтинг итогового контроля включает нормативный рейтинг экзамена или дифференцированного зачета;

– *фактический рейтинг* – баллы, которые набирает студент по результатам текущего, рубежного контроля и зачета / экзамена. Фактические рейтинги текущего и рубежного контроля в сумме составляют фактический рейтинг семестрового контроля. Фактический рейтинг итогового контроля включает фактический рейтинг экзамена или дифференцированного зачета;

– *накопленный рейтинг* – фактический рейтинг по всем освоенным к данному моменту разделам физической культуры, включая их текущий, рубежный и итоговый контроль;

– *проходной рейтинг* – минимум баллов, набрав который студент будет считаться аттестованным по физической культуре. Проходной рейтинг для дисциплины – более 50 % от нормативного рейтинга. Например: 50,1 баллов при 100-балльной системе оценки и т. д. Если студент по итогам обучения набирает меньше проходного рейтинга, дисциплина считается неосвоенной;

– *относительный рейтинг* – фактический рейтинг по физической культуре, приведенный к единому, независимому от длительности освоения дисциплины виду.

Рейтинговый балл, выставляемый студенту за текущее или рубежное контрольное мероприятие по физической культуре, определяется следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень выполнения контрольного мероприятия	Рейтинговый балл (в % от максимального балла за контрольную точку)
Отличный	85,1 – 100
Хороший	65,1 – 85
Удовлетворительный	50,1 – 65
Неудовлетворительный	0

Рейтинговый балл, выставляемый студенту за итоговое контрольное мероприятие (экзамен или зачет) по физической культуре, определяется следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровень выполнения контрольного мероприятия	Рейтинговый балл (в % от максимального балла за контрольную точку)
Отличный с плюсом	95,1 – 100
Отличный	90,1 – 95
Отличный с минусом	85,1 – 90
Хороший с плюсом	78,1 – 85
Хороший	72,1 – 78
Хороший с минусом	65,1 – 72
Удовлетворительный с плюсом	60,1 – 65
Удовлетворительный	55,1 – 60
Удовлетворительный с минусом	50,1 – 55
Неудовлетворительный	0

В Московском государственном лингвистическом университете на кафедре физического воспитания разработана и апробирована балльно-рейтинговая система количественной оценки успеваемости бакалавров по дисциплине «физическая культура».

Оценка студента определяется в зависимости от накопительной суммы баллов за освоение отдельных составляющих модуля дисциплины (посещаемость обязательных учебных занятий, знания теоретического и методико-практического разделов программы, выполнение установленных на данный семестр контрольных нормативов общей и прикладной физической культуры, участие в спортивной работе).

Нормативы практического раздела дисциплины «физическая культура» разрабатываются кафедрой физического воспитания с учетом спортивной базы университета и профиля выпускаемых специалистов.

В каждом семестре студенты выполняют не более пяти контрольных нормативов, включая три обязательных физических упражнения для контроля общей физической подготовленности.

Студенты, временно освобожденные от практических занятий по состоянию здоровья и находящиеся в подготовительной группе без сдачи контрольных нормативов выполняют тест по теории физической культуры, размещенный на Allsoft.ru мультимедийных контролирующих программ.

Представленный программный комплект был опубликован в 2013 г. и создавался специально в помощь преподавателям кафедр физического воспитания вузов, чтобы в условиях рейтинговой системы мотивировать обучаемых на проявление интереса к содержанию предмета [Артемова 2013]. Основной дидактической особенностью представленных электронных пособий является авторская систематизация теоретического материала и практическая неповторяемость «генерируемых» билетов (обновляющихся комбинаций вопросов).

Рефераты по физической культуре для текущего контроля и промежуточной аттестации готовят инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья. Сроки подготовки рефератов устанавливаются индивидуально в зависимости от состояния здоровья обучаемых.

В основной и подготовительной группах баллы в семестрах обучения начисляются:

- за выполнение контрольных упражнений (таблица начисления баллов отдельно для юношей и девушек);
- активное участие в учебных занятиях по физической культуре – **1 балл**;
- выполнение физических упражнений в условиях, требующих значительного проявления личностных качеств, – **до 7 баллов**;
- выполнение методического задания – **до 3 баллов**;
- участие в спортивных соревнованиях – **до 90 баллов** (в зависимости от показанного результата и ранга соревнований);
- выполнение теоретических тестов (для студентов, освобожденных по состоянию здоровья от выполнения контрольных упражнений) – **до 20 баллов**.

Для студентов специальной медицинской группы (1–5 семестры):

- регулярное посещение занятий;
- проведение разминки или комплекса упражнений для определенных групп мышц;

- составление и выполнение комплекса физических упражнений по своему заболеванию;
- теоретический тест по физической культуре.

В специальной медицинской группе баллы в семестрах обучения начисляются:

- за посещение 15 занятий – **50 баллов**;
- проведение разминки или комплекса упражнений для определенных групп мышц – **3 балла**;
- подготовка и проведение комплекса упражнений по заболеванию студента – **максимально 10 баллов**;
- теоретическая подготовка – **тест (теоретический)**. Шкала оценивания теста: 50–60 % правильных ответов – 5 баллов; 61–70 % – 10 баллов; 71–80 % – 15 баллов; 81–85 % – 20 баллов; 86–100 % – 25 баллов.

Общая оценка по физической культуре выставляется студенту на основании набранной суммы баллов за семестры обучения согласно требованиям таблицы оценки по физической культуре (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка	Количество набранных баллов				
	1-й семестр	2-й семестр	3-й семестр	4-й семестр	5-й семестр
«отлично»	90	180	270	360	450
«хорошо»	70	140	210	280	350
«удовлетворительно»	50	100	150	200	250

Критерии оценки:

- «отлично» выставляется студенту, если по сумме пяти семестров обучения он набрал 450 баллов и более;
- «хорошо» – если за весь период обучения набрал 350–449 баллов;
- «удовлетворительно» – набрал 250–349 баллов;
- «неудовлетворительно» – сумма баллов менее 250.

- «зачтено» – выставляется студенту, набравшему за семестр обучения 50 баллов и более;
- «не зачтено» – выставляется студенту, набравшему за семестр обучения менее 50 баллов.

Итоги сдачи экзамена / зачета по физической культуре отражаются в балльно-рейтинговой ведомости дисциплины (в колонке «Рейтинговый балл за экзамен / зачет» делается запись фактического рейтинга зачета, а в колонке «Итоговый рейтинг» – запись суммарного фактического рейтинга по дисциплине).

Оценка за дисциплину «физическая культура» в зачетную книжку вносится после преобразования фактического рейтинга в пятибалльную отмету. При этом наряду со «штатной» зачетно-экзаменационной ведомостью, она заносится в экзаменационную (зачетную) балльно-рейтинговую ведомость.

Используя в МГЛУ в течение пяти лет данный вариант балльно-рейтинговой системы, мы наблюдаем постоянное увеличение посещаемости учебных занятий, рост активности студентов в спортивной работе и судействе соревнований, а также положительную динамику развития основных физических качеств обучаемых и повышение уровня их общей физической подготовленности. Сравнительный анализ успеваемости студентов за несколько лет по дисциплине «физическая культура» также показывает снижение числа занимающихся, получивших оценки «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» на зачете в конце периода обучения.

Результаты экзаменационных сессий показывают, что 88,5 % студентов набора 2013 г. на I курсе обучения получили зачет по дисциплине «физическая культура», на II курсе в 2014 г. – 90,1 % обучаемых, а на III курсе через год – 91,2 % занимающихся. Следует отметить, что постепенно увеличивается и количество студентов, получивших оценки «отлично» и «хорошо» во время дифференцированного зачета по физической культуре на III курсе обучения. Так, в 2013 г. таких студентов было 57,0 %, в 2014 г. – 60,6 % и в 2015 г. – 62,3 %.

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе развития высшего образования балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов по дисциплине «физическая культура» предпочтительнее традиционной, так как обеспечивает систематическую, максимально мотивированную работу как студентов, так

и преподавателей, а также дает возможность оценить все стороны учебно-воспитательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова Л. К.* Возможности модульного подхода и балльно-рейтинговой системы оценивания качества обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 3 (11). С. 114–117.
- Белецкий С. В.* Влияние информационных технологий на формирование компетенций по теоретическим основам физической культуры // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2015. № 4 (82). С. 14–22.
- Габдрахимова Л. А.* Балльно-рейтинговая система оценки знаний в контексте формирования единого пространства европейского высшего образования / Габдрахимова Л. А., Бухмин В. С., Балашова Е. Я. и др. // Вестник Казанского энергетического университета. 2012. № 3. Т. 6. С. 139–145.
- Сазонов Б. А.* Балльно-рейтинговые системы оценивания знаний и обеспечение качества учебного процесса // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 28–40.
- Тарасенко О. В.* Балльно-рейтинговая система оценивания знаний студентов в условиях аграрного вуза / О. В. Тарасенко, Ж. А. Димиденок // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 579–581.

УДК 159.9

Ю. П. Кошелева

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
и педагогической антропологии МГЛУ;
e-mail:kosheleva@gmail.com

ЦЕЛЕВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

В статье дан анализ расширения понятия идентичности и его использования в различных науках, прослежен путь формирования профессиональной идентичности на разных ступенях образования в России, определены функции, сходства и различия личностной, социальной и профессиональной идентичности, выделены компоненты профессиональной идентичности, отмечена целевая направленность профессиональной идентичности обучающихся в вузе.

Ключевые слова: социальная идентичность; профессиональная идентичность; компоненты профессиональной идентичности; целевая направленность; обучающиеся; вуз.

Yu. P. Kosheleva

PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology
and Pedagogical Anthropology MSLU;
e-mail: kosheleva@gmail.com

STUDENTS' GOAL PROFESSIONAL IDENTITY IN HIGHER SCHOOL

The author analyses the identity as a central concept in different sciences, gives ways of professional identity development during the stages of education in Russia, determines functions, likeness and differences of personal, social and professional identity, considers the components of professional identity and points out the students' goal professional identity in higher school.

Key words: social identity; professional identity; goal; students; Institution of higher education.

В современной зарубежной психологии и социологии идентичность определяется преимущественно как «чувство и осознание собственного «Я» личности» (*англ.* a person's sense of self) [Akerlof,

2000]. Для отечественной социальной психологии после восстановления науки в правах, начиная с трудов Б. Д. Парыгина, традиционной является констатация факта формирования групповой идентичности при осознании своей принадлежности к группе (когнитивный аспект идентичности) и появления чувства «Мы» (эмоциональный аспект), что соответствует зарубежному подходу и доказывает фундаментальность и важность феномена идентичности. Несмотря на то, что термин «идентичность» появился в отечественной психологии позднее, его значение как базового группового эффекта было метко подмечено психологами и охарактеризовано с учетом социально-культурного контекста. Кроме того, до введения понятия идентичности само это явление описывается другими терминами (например, Б. Д. Парыгин использует «интегральное Я» [Парыгин, 1999]). Идентичность «узнается» по выполняемым ею функциям и выделяемым в структуре компонентам, которые не всегда совпадают у разных авторов и в разных подходах к решению проблемы идентичности. Неизменным остается одно: социальность идентичности.

Социальность идентичности отражается в различных явлениях и ситуациях, определяя различные виды идентичности. Например, борьба женщин за свои права (гендерная идентичность), расовые и этнические конфликты (этническая идентичность), различия в политических взглядах (политическая идентичность), дискриминация (любая идентичность групп и сообществ, ощущающих свое единство, с одной стороны, и ущемление своих прав – с другой) и т. п. Расширение трактовки идентичности в различных контекстах сделало понятие идентичности центральным в различных науках: психологии, социологии, политике, антропологии, истории. А в последнее время оно стало использоваться и в экономике как общая модель поведения человека, в которой показано влияние идентичности на экономические показатели [Akerlof 2000]. Моделирование идентичности приводится в ряде исследований социальных категорий, объясняющих поведение людей и взаимодействия между ними. Результаты доказывают гипотезу о том, что поведение человека напрямую связано с его идентичностью. Во-первых, идентичность людей обусловлена их собственными действиями. Во-вторых, она также зависит от действий других людей. В-третьих, третья сторона может производить в ней устойчивые изменения. И, наконец, в-четвертых, некоторые люди могут выбирать

свою идентичность, но их решение может быть не приемлемо для других. Экономический анализ показывает, что выбор человеком той или иной идентичности имеет соответствующие причины:

– идентичность может объяснить поведение, приводящее к негативным последствиям как для себя, так и для общества. Люди с такой идентичностью являются неадаптивными и демонстрируют саморазрушающее поведение, неадекватное по сравнению с поведением людей, имеющих иную идентичность. Чтобы устранить причину такого поведения, нужно укреплять чувство «Я» и освободиться от ущербного образа «Я»;

– идентичность придает особое значение новому типу экстернатальности, связанную с внешними эффектами и факторами, когда действия личности могут быть предназначены для одного человека, но вызывать отклик других. Например, согласно гендерной идентичности платье это символ женственности. Если платье носит мужчина, это может угрожать его мужской идентичности. Это и есть внешний фактор, который определяет дальнейший внешний эффект, зависящий от реакции окружающих на такое поведение;

– идентичность открывает и новый способ изменения предпочтений. Представления об идентичности развиваются внутри общества и вместе с ним, некоторые из них являются мишенью и побудительным мотивом для манипуляций ими. Самым наглядным примером является реклама (например, сигарет «Мальборо»). Менее очевидны способы манипуляции с идентичностью в политике, где изменение социальных категорий и связанных с ними установок влияет на экономические результаты;

– идентичность является фундаментальной категорией для объяснения человеческого поведения. Возможно, выбор идентичности становится самым важным «экономическим» решением, которое принимают люди. Они могут, в большей или меньшей степени осознанно, выбирать, кем хотят быть. Ограничения этого выбора могут также стать самым важным определяющим фактором личного экономического благосостояния человека. И именно эти вопросы не затрагиваются ни в современной школе, ни в вузе.

Мы полагаем, что профессиональная идентичность формируется под влиянием выбора человека, который он осуществляет в течение своей жизни. Наверное, самый трудный тот, который он делает

впервые, к нему относится выбор профессии – ответственный и серьезный шаг в направлении профессиональной деятельности. В то же время профессия всегда социальна: нельзя выбрать ту, которая не востребована. С развитием общества одни профессии исчезают, другие появляются. Критерием для принятия решения, в том числе, является оплата за труд. Трудно представить себе профессию в экономически развитом обществе, за которую не платят. Напротив, достойная оплата труда становится одним из мотивирующих факторов выбора профессии.

Если посмотреть на педагогическую сторону формирования профессиональной идентичности, то можно заметить, что требования к освоению профессии зависят от культурного контекста [Кошелева 2016]. Для российской культуры проблема выбора профессии в лучшем случае начинается в старших классах – там, где организуются профильные классы. Другим вариантом ранней профориентации является выбор профильных учебных учреждений общего образования (например, лицеев). Дальнейшая подготовка и вхождение в профессию осуществляется в системе высшего образования или непосредственно на рабочем месте. Что происходит с идентичностью на разных ступенях образования?

Если ребенок воспитывается в семье, в которой есть династия представителей той или иной профессии, вхождение в профессию у него происходит автоматически. Если же таких образцов нет, то условия для общего психического развития ему создают дома или в детских дошкольных учреждениях.

Поступление в школу создает предпосылки для дальнейшего развития ребенка. В соответствии с Федеральными государственными стандартами у детей формируются универсальные учебные действия, в том числе связанные с личностными и коммуникативными действиями, которые становятся фундаментом для формирования, в первую очередь, гражданской идентичности. Выполнение проектных задач и овладение навыками универсальных действий способствует вовлечению ребенка в учебную деятельность, делает необходимым сотрудничество со взрослыми, взаимодействие с другими детьми и закладывает фундамент для формирования личностной и социальной идентичности.

Не является исключением и средняя ступень образования детей в школе. К социальной и личностной добавляется этническая

идентичность; появляется проблема морального выбора и профессионального самоопределения. Получается, что профессиональное самоопределение встраивается в социальную и личностную идентичность. Верно и обратное: если к этому времени они не сформировались, то и формирование профессиональной идентичности невозможно.

Итак, наш анализ показал, что профессиональная идентичность непосредственно связана с личностной и социальной; она является частью последней и определяется ею. Что является наиболее важным в структуре идентичности и каковы ее функции? Рассмотрим общее и различия в социальной и профессиональной идентичности.

Идентичность (*англ.* self) объединяет в себе различные компоненты и обеспечивает «непрерывность самопереживания индивида». Для этого нужно, чтобы идентичность выполняла определенные функции – реализовывала то, ради чего она существует и для чего предназначена. Так, Э. Эриксон выделил следующие основные функции идентичности:

- адаптивную (оберегает целостность и индивидуальность человека);
- организующую (организация жизненного опыта в индивидуальное «Я»).

Данные функции сохраняют свое значение и в других подходах психологов, изучающих идентичность личности вообще и профессиональную идентичность в частности. К ним добавляются иные функции, либо те же функции выступают под другими названиями. Например, Е. П. Ермолаева считает профессиональную идентичность регулятором, который обеспечивает стабилизирующую и преобразующую функции [Ермолаева 2008]. Ее основное назначение – согласование «основных элементов профессионального процесса».

Другой подход к выделению структуры и функций идентичности представлен работами Л. Б. Шнейдер [Шнейдер 2004]. В исследовании метафорических описаний идентичности, охватывающих структуру, содержание и их изменение, Л. Б. Шнейдер выделила следующие элементы идентичности, отражающие и ее функции:

- элемент тождественности («капли дождя», «свой среди своих»);
- элемент определенности («решенное уравнение», «превращение...»);
- элемент единства в многообразии («все дороги ведут в Рим»);

- элемент защитной функции «Я» («подбор парика», «маска...»);
- элемент динамики («процесс работы шестеренок», «путь к...») [Шнейдер 2004].

Все те же элементы и функции сохраняются и в профессиональной идентичности, но для того, чтобы она состоялась необходимо соблюдение трех условий:

- прецедентное: наличие подобных или сходных, таких же элементов той же системы (собственно идентификация);
- интердиктивное: наличие других, не таких же элементов, принадлежащих иной системе (собственно отчуждение);
- юстициальное: наличие транслятора информации о существовании этих систем (возможность отличать одно от другого).

Для обнаружения элементов этой системы необходимо участие других людей, которые замечали бы и признавали их. Другими словами, чтобы профессиональная идентичность сформировалась, нужно сделать выбор одной группы из разных – в данном случае профессиональной – и отождествиться с ее нормами и ценностями, принять группу эмоционально. Чтобы это стало возможным, нужны другие люди, группы и информация.

Следуя логике научного изучения идентичности, отметим расширение ее функций. К традиционным функциям добавляются новые. Например, Н. Л. Иванова выделяет ряд жизненно важных функций социальной идентичности:

- адаптационную (приспособление к новым социальным условиям);
- ориентировочную (поиск своего места в социальном пространстве);
- структурную (придание определенности, упорядоченности «Я»);
- целевую (целеполагание, построение модели поведения);
- экзистенциальную (осмысление своей сущности, прогнозирование) [Иванова 2004].

В перечне функций появляются целевая и экзистенциальная. Следует отметить, что целевая функция, по мнению автора, определяет модель поведения, а экзистенциальная – смыслы, от которых зависит прогнозирование поведения. Вместе с тем существенным для понимания социальной идентичности согласно взглядам автора

является активность субъекта в конструировании идентичности, возможность пересмотра своего места в социальной среде в процессе взаимодействия.

Обобщая сказанное, мы приходим к выводу о том, что между личностной, социальной и профессиональной идентичностью больше сходства, чем различий. Тенденция в изучении идентичности сводится к дифференциации ее структуры и функций.

Теперь проведем краткий психологический анализ структуры и специфики профессиональной идентичности.

Е. П. Ермолаева считает профессиональную идентичность центральным звеном реализации профессионала [Ермолаева 2008]. Идентичность регулирует взаимоотношения профессионала с его профессией, обществом и самим собой. Ее образуют три компонента: индивидуальный, инструментальный и социальный. Индивидуальный компонент включает в себя профессиональную самоидентификацию или «Я»-концепцию. Инструментальный – профессиональные умения и навыки. Социальный компонент определяет соответствие социальному заказу. Совпадение всех трех компонентов образует профессиональную идентичность, а расхождение ведет к той или иной разновидности маргинализма. Маргинализм, в свою очередь, является индикатором рассогласования системы «человек – профессия – общество».

По мнению Н. С. Пряжникова, в процессе становления профессиональной идентичности субъект овладевает какой-то профессией (в учебной, затем профессиональной деятельности), интегрируется в профессиональную группу (посредством средств общения) и становится собственно профессионалом [Пряжников 1997]. Ключевые понятия, которые входят в категорию профессиональной идентичности и вокруг которых она формируется («Я профессионал», «профессия», «профессиональная группа»), фактически используются для описания ее структуры и механизма взаимодействия между ее элементами. Похожие элементы выделяют и другие авторы – так, Л. Б. Шнейдер определяет уровни профессиональной идентичности, когда идентичность состоит из трех элементов: «Дело», «Другие», «Я» [Шнейдер 2008].

В структуре идентичности чаще других выделяются когнитивные, мотивационные и ценностные компоненты [Иванова 2004]. Социальная идентичность представляет собой их единство, которое

выражается в объединении компонентов идентичности на каждом уровне (в функциональных блоках). Так, «базисный» уровень характерен для «локализованной» самоидентификации с этнической, региональной, семейной общностью; «индивидуально-личностный» – для самоидентификации с сообществами с разными культурами в соответствии с требованиями и нравственными критериями оценки социальных обществ; «профессионально-деловой» – для самоидентификации с профессиональным, деловым и гражданским общностями. Следовательно, и здесь профессиональная идентичность как бы надстраивается личностную и встраивается в идентичность социальную.

Если обобщить подходы разных авторов к изучению профессиональной идентичности, можно сделать вывод, что профессиональная идентичность затрагивает личность, деятельность и общение – основные категории, используемые в социальной психологии для объяснения поведения отдельного человека в группах и групповое поведение в целом. Выдвижение на первый план элементов профессиональной идентичности по степени значимости, их сочетание и последовательность создает неповторимость и разнообразие моделей профессиональной идентичности.

Большинство моделей профессиональной идентичности отражают этапы вхождения человека в профессиональную деятельность от новичка до профессионала. В зависимости от сложности профессии человек может обучаться на рабочем месте, если работа требует от него простые навыки. Для выполнения сложной работы необходима предварительная подготовка. Чем сложнее работа, тем длительнее процесс. Обучение в вузе касается второго варианта.

Чтобы понять, как формируется профессиональная идентичность в вузе, нужно разобраться в специфике вузовской подготовки. Если взять выделенные элементы профидентичности – «Я», «другие», «профессиональная деятельность», то основной акцент в обучении делается на первом элементе, затем следует второй. Третий элемент затрагивает, не считая прохождения различных видов практик, лишь идеальный образ профессии и профессиональной деятельности, которые формируются посредством взаимодействия с преподавателями – профессионалами своего дела.

Получается, что вузовская подготовка в первую очередь охватывает процесс системного формирования у обучающихся профессионального

сознания [Пряжников 2007]. Он идет в сторону увеличения дифференцирующих признаков профессии, распознавание нюансов профессиональной деятельности в моделируемых учебных ситуациях. Когда обучающийся поступает в вуз, он не видит «подводных камней» профессии, которую выбрал, у него не хватает информации о ней, не сформированы необходимые компетенции. И первое, с чего начинается профильное обучение, – выделение предмета в объекте. В результате формируется предметно-специализированный и предметно-определенный способ осознания объективного мира, из которого этот объект извлекается и превращается в «предмет» деятельности будущей профессии обучающегося [там же]. Ядром профессиональной идентичности становится «опредмечивание» профессиональной деятельности. Нужны ли другие элементы профессиональной идентичности? Конечно, нужны. Вопрос в другом: как их связать воедино, чтобы результатом обучения в вузе стала профессиональная идентичность?

Исследования компетенций преподавателей высшей школы показали, что определяющей является профессионально-педагогическое целеполагание [Лямзин 2013]. Мы полагаем, что данная компетенция будет основополагающей не только в педагогической, но и любой другой деятельности. Определяя свою цель, человек заглядывает в будущее. Его цель влияет на настоящее. Человек, который живет прошлым, не может быть успешным в самоопределении, в построении своей карьеры. Если же он уже «в профессии», то освоенные им ранее навыки позволяют ему удерживаться там. А для человека, который только знакомится с ней, такой вариант развития событий не применим.

Выявление цели профессиональной деятельности встречается и в работах других авторов [Пряжников 1997]. Отличие нашего подхода заключается в том, что мы выделяем не просто цель профессиональной деятельности, а целевую направленность на тот образ профессии и профессиональной группы, который и станет ориентиром и результатом формирования профессиональной идентичности. Критерием наличия целевой направленности может выступать фактор времени и отношение к нему.

Вернемся к расширению трактовки идентичности в разных науках. С точки зрения экономики выбор той или иной профессиональной идентичности означает практически все остальные параметры,

по которым разграничиваются виды идентичности. Человек выбирает то положение в обществе, которое он хочет занять (в том числе и социально-экономическое), он определяет приоритет ценностей, на который будет опираться. Неясность образа себя, профессионала и профессии компенсируется целевой направленностью профессиональной идентичности, которую человек хочет достичь. В этом смысле профессиональные сообщества становятся носителями профессиональных целостей, что помогает сохранить эту общность, а целевая направленность профессионала (как сложившихся, так и будущих) обеспечивает развитие профессиональной деятельности, гибкое реагирование на запросы общества.

Общество постоянно меняется – и чем дальше, тем быстрее; не стоит на месте и человек. Если раньше он выбирал одну профессию на всю жизнь, то сейчас может возникнуть ситуация, что его прежняя профессия перестает быть востребованной, или технологии настолько устаревают, что падает эффективность профессиональной деятельности, отдача от нее. Она перестает быть конкурентоспособной, а значит и востребованной. Как быть в этом случае? У человека появляются как новые ограничения, так и новые возможности, одна из таких – непрерывное образование. В парадигме непрерывного обучения у него на протяжении всей жизни есть возможность научиться чему-то новому, при необходимости получить дополнительное образование, что неизбежно приводит к формированию и новой профессиональной идентичности. Если по каким-то причинам выбранная профессия не устраивает, ее можно сменить. Что ему нужно, а что нет, определяет сам человек с учетом изменившихся приоритетов и запроса со стороны общества. Для этого следует создать желаемый образ. Чем яснее будет этот образ, тем успешнее станет человек в достижении им профессиональной идентичности. Определение целевой направленности профессиональной идентичности обучающегося начинается раньше, чем он попадает в вуз. Если она не осознана заранее, человек будет сомневаться в том, тот ли вуз выбрал. Как только появится образ профессии и профессионала, который соответствует его ценностям, у него появится целевая направленность. И тогда он будет стремиться обрести профессиональную идентичность согласно себе. Его успехи или неудачи будут обусловлены направленностью к цели стать профессионалом.

Таким образом, целевая направленность профессиональной идентичности обучающихся в вузе определяет, будет ли человек успешным в профессиональной деятельности или нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. М. : Изд-во Института психологии РАН, 2008. 347 с.
- Иванова Н. Л.* Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. №1. С. 52–60.
- Кошелева Ю. П.* Становление профессиональной идентичности обучающихся в вузе с позиции культурно-исторического подхода / Сборник работ XVII Международных чтений памяти Л. С. Выготского «Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик». 14–19 ноября 2016 г. Москва. Т. 1. С. 283–290.
- Лямзин М. А.* Профессионально-педагогическое целеполагание как компетенция преподавателя высшей школы // Психолого-педагогические проблемы развития образования. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2013. С.150–160. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 16 (676). Педагогические науки.)
- Нечаев Н. Н.* Психолого-педагогические аспекты подготовки специалистов в вузе. М. : Изд-во МГУ, 1985. 113 с. URL : <http://nechaev.pro/pedpsycho/9/>
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : ИГУП, 1999. 592 с.
- Пряжников Н. С.* Психологический смысл труда. М. : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. 287 с.
- Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: теория эксперимент, тренинг : учеб. пособие. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 600 с.
- Akerlof G. A. and Rachel E.* Kranton Economics and identity // The Quarterly Journal of Economics by the President and Fellows of Harvard College and the Massachusetts Institute of Technology. Vol. CXV. August 2000. Issue 3. P. 715–753.

УДК 159.9

А. Э. Эмильбекова

аспирант кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ;
e-mail: emilbekova.1990@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

В статье определяются и сопоставляются основные понятия профессиональной идентичности; рассматривается динамика изучения проблемы профессиональной идентичности в зарубежной и отечественной психологии; выделяются и обсуждаются структурные компоненты у разных авторов; на основании анализа предлагается свой вариант ее структуры.

Ключевые слова: идентификация; идентичность; профессиональная идентичность; профессиональное самоопределение; структурные компоненты профессиональной идентичности.

A. E. Emilbekova

Post-graduate student, Department of Psychology
and Pedagogical Anthropology, MSLU;
e-mail: emilbekova.1990@mail.ru

THE PROBLEM OF THE PROFESSIONAL IDENTITY IN PSYCHOLOGY

The author determines and compares the basic concepts; takes into account the development of the problem professional identity research in foreign and Russian psychology; shows and discusses professional identity component structure from others scientists and offers its based-analysis structure.

Key words: identification; identity; professional identity; professional self-determination; professional identity component structure.

Профессиональное становление человека в современных социальных условиях требует от личности самостоятельной работы по самоопределению и построению себя и своего жизненного пути, пути профессионала. Причем развитие профессионализма – это длительный, многолетний, практически бесконечный процесс, который предполагает изменение человека под влиянием условий и содержания профессиональной деятельности.

Рассмотрение проблемы идентичности необходимо начинать с определения данного понятия. Несмотря на то, что в последнее

время существует большое количество определений термина «идентичность», и он широко используется в литературе и исследованиях психологов, психологическое значение данного понятия нуждается в уточнении.

Для того чтобы обозначить специфику термина «идентичность», необходимо уточнить сущность этой категории в зарубежной и отечественной психологии. Общим для разных подходов является представление идентичности как сложного психологического феномена с различных точек зрения. Она представляется и как чувство, и как единство поведения, и как сумма знаний о себе, что в целом доказывает многогранность феномена. Рассмотрим динамику изучения идентичности в психологии.

Исследование проблемы идентичности прослеживается в трудах классиков зарубежной психологии: У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Дж. Мида, Э. Эриксона и ряда других ученых.

У. Джемс первым в психологии обратил внимание на то, что человек может быть одновременно и тем, кто определяет что делать, а что нет; и тем, кто способен изучать самого себя. Ученый разработал концепцию осмысления личностью своей самоидентичности, своих границ и места в мире [Джемс 1991]. Исследователь показал, что человек думает о себе в двух плоскостях, а именно – в личной, где создается личная самоидентичность, и социальной, где формируется многообразие социальных «Я» индивида. Эти две плоскости – стороны одного целостного образования «Я». Знаменитый постулат Джемса гласит: «самоуважение индивида определяется отношением наших действительных способностей, реально достигнутого успеха и притязаний, проявляющихся в желании занять определенное положение в обществе и кем-то стать» [там же, с. 27–48] через сочетание механизма идентификации и самоуважения. В концепции Джемса социальная идентичность является одним из личностных оснований, которые помогают человеку сохранить самоуважение и целостность его «Я».

Другим направлением в развитии идеи об идентичности являются символический интеракционизм, основателем которого является Дж. Мид. В символическом интеракционизме в структуре личности выделяются компоненты *I* и *Me* [Мид 2009]. *Me* представляет собой свойственную данному индивиду совокупность установок других

людей, ценностей и норм сообщества; эта подструктура личности отражает то, как индивиды видят себя глазами других индивидов и как усваивают обобщенные представления о себе. *I*, наоборот, означает представление, индивидом самого себя и выступает как его самость (=идентичности). Подструктура *I* автономна и самоценна. Она является источником спонтанного, непредсказуемого поведения, отражает специфику реакций индивида на социальные стимулы. Реагируя отклоняющимся от ожиданий поведением, *I* вносит в структуру взаимодействия изменения, которые, суммируясь, видоизменяют содержание социального процесса, не давая ему превращаться в жесткий социальный порядок.

Дж. Мид впервые выделяет проблему влияния культуры на становление личности и утверждает, что социальная структура субъективна и зависит от окружающих личных символов. Получается, что в определении идентичности человека входят не только его личностные характеристики, но и характеристики его окружения. Поведение человека осуществляется в «символической коммуникации». Кроме того, Дж. Мид определяет самосознание как процесс, в основе которого лежит практическое взаимодействие с другими людьми. Средства взаимодействия обеспечиваются символами.

Кроме У. Джемса и Дж. Мида проблему идентичности в своих работах затрагивал и З. Фрейд [Фрейд 2013]. Напрямую он не использовал понятие идентичности, а ввел в науку другое – термин «идентификация» и описал ее механизм, связанный с формированием личности. По мнению психолога, структура личности состоит из трех элементов: «Ид», «Эго» и «Суперэго». По Фрейду, посредством идентификации формируется «Суперэго», представляющее в человеке социальные нормы, отвечающее за его интеграцию в общество и служащее моральным регулятором его поведения. Идентичность – это частный внутренний мир, эмоциональная сила человека. Согласно Фрейду, идентификация является группообразующим фактором, помогающим человеку выйти за пределы своего «Я» и прочувствовать переживания других людей. В результате идентификации формируется идентичность. Важнейшими агентами влияния на ее формирование оказывают родители.

К. Юнг, оставаясь представителем психоаналитического направления в психологии, предлагает иную структуру личности, в которой

выделяет эго, личного и коллективного бессознательного [Юнг 1997]. В коллективном бессознательном Юнг различает архетипы – врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, реагировать и переживать происходящее с ними заданным способом. Ключевыми архетипами, по Юнгу, являются «анима», «анимус», «маска» (личина), «тень» и «самость». В дальнейшем к ним добавились архетипы «мудреца» и «Бога». Выделение ядра в структуре личности, определяемую ученым как самость, связана, на наш взгляд, с определением и формированием идентичности человека, а понятие «персоны» с тем, как его воспринимают другие люди. В дальнейшем изучение феномена идентичности привело к ее разделению на личностную и социальную.

Появление термина «идентичность» в психологии и его дальнейшее распространение традиционно связывают с именем Эриха Эриксона. Однако ученый среди основных предшественников своей концепции выделил З. Фрейда, К. Юнга.

Эриксон определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности с самой собой и культурой [Эриксон 2006]. Вслед за Фрейдом и Юнгом, психолог сохраняет структуру личности и усиливает в ней элемент «Эго», выделяя три его функции: биологическую, социальную и организационную. Биологическая отражает взгляды Фрейда на «Ид». Социальная предполагает объединение людей в группы. А организационная, «Эго», является синтезирующей – соединяет разные идентификации человека под действием различных внешних факторов (культурных, социальных, национальных, экономических и др.) в единую эго-идентичность. Реализация всех функций обуславливает целостность «Эго» и определяет его идентичность. Во взглядах Эриксона прослеживается также идея о целостности индивидуального и социального в человеке, которое соединяется в понятии идентичности. С точки зрения ученого, развитие личности включает в себя осознание причастности своей культуры и истории. Личные переживания помогают перерабатывать полученный опыт, переходить на следующую стадию развития эго идентичности и осваивать культурные образцы поведения.

Вместе с Эриксоном к проблематике социальной идентичности вплотную подошел Э. Фромм, который в своих публикациях описывает влияние тоталитарных систем на личность человека. Первое

обращение к проблематике идентичности сделано им в работе «Бегство от свободы», где ученый выводит понятие идентичности, а также описывает мотивы возникновения той или иной идентичности [Фромм 2016]. Идентичность появляется в ходе развития и означает чувство принадлежности к какой-то целостной структуре, осознанием человека того, что он является частью этой структуры и занимает в ней определенное положение. Идентичность помогает реализовать свою основную потребность и найти свою социальную нишу. Это позволит ему избежать полного одиночества и сомнений. Фромм показал сложную взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также между чувством свободы и чувством одиночества. В современных подходах проблема идентичности продолжает разрабатываться в нескольких направлениях: в психоанализе, в когнитивной психологии, интеракционизме и др.

В отечественной психологии представления об идентичности традиционно развивались в рамках исследований самосознания и самоотношения, кроме того, идентичность рассматривалась как один из аспектов проблемы «Я». На сегодняшний день благодаря усилиям отечественных ученых (Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, М.И. Лисиной, В. С. Мерлина, В. С. Мухиной, Л. Д. Олейника, Л. С. Рубинштейна) сложился определенный категориальный аппарат в области изучения самосознания. В его рамках установлены взаимосвязи между понятиями «самосознание», «самоотношение», «самооценка». Хорошо изучены такие вопросы, как соотношение сознания и самосознания, структура самосознания, генезис и возрастные особенности самосознания, образ «Я». Можно отметить, что в отечественной психологии сформировалась следующая последовательность изучения проблемы идентичности через систему понятий «сознание – самосознание – образ “Я”». С точки зрения Л. Б. Шнейдер, термины «самосознание» и «идентичность» не являются взаимозаменяемыми и абсолютно тождественными понятиями [Шнейдер 2011].

Сегодня психологи различают социальную, личностную и профессиональную идентичность. Граница между первой и второй более размыта. Под социальной идентичностью понимается отождествление себя с социальной группой, а под личностной – самоотождествленность человека, которая включает в себя его характеристики как отдельного

индивида. На личностную и социальную идентичность индивида влияет социальное окружение, в котором развивается человек: и та и другая определяются системой социальных отношений.

Социальная идентичность делится на различные типы: например религиозная, духовная и др., выделяемые в зависимости от приоритета ценностей человека и разделяемых норм той социальной группы, с которой он отождествляется. В профессиональных группах человек также разделяет ценности профессионального сообщества и следует его нормам. Следовательно, профессиональная идентичность также относится к социальной и является ее элементом. По мнению Ю. П. Поварёнокова выделение профессиональной идентичности является закономерным процессом последовательной дифференциации понятия «идентичность», поскольку в основе данного процесса лежит специфика ее элементов [Поварёнков 2008]. В отечественной психологии при становлении профессиональной идентичности учитывается культурно-исторический контекст [Кошелева 2016].

Профессиональная идентичность рассматривается современными исследователями не только в контексте социального самоопределения человека относительно некоторой профессиональной общности или группы, но, прежде всего, как феномен развития личности в процессе профессионализации [Пряжников 2008]. Достаточно широкая трактовка профессиональной идентичности представлена в работах Е. П. Ермолаевой, исследователь характеризует данное понятие как психосоциальную структуру, в которой концентрируются основные отношения профессионала в системе «человек – профессия – общество». Также профессиональная идентичность тесно связана с переживанием личностью своей эффективности в профессиональном плане [Шнейдер 2011]. Она определяет профессиональная идентичность это «не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но ее оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, т. е. переживание своей профессиональной целостности и определенности» [там же]. В этом определении содержатся когнитивные, эмоциональные, ценностные и поведенческие компоненты профессиональной идентичности.

Н. Л. Иванова определяет профессиональную идентичность как вид социальной идентичности [Иванова 2016]. По мнению исследователя, в структуру идентичности входят когнитивные, мотивационные и ценностные компоненты, объединение которых создает функциональные блоки.

В структуре идентичности наиболее важными компонентами Ю. П. Кошелева считает ценностные и смысложизненные ориентации [Кошелева 2016]. На их основе формируется идентичность старшеклассников, являющаяся связующим звеном между личностной и социальной идентичностью, и определяются пути и способы личного и профессионального самоопределения юношей и девушек.

Дальнейший анализ изучения проблемы идентичности в отечественной психологии показал различия в выделении структурных компонентов профессиональной идентичности. Мы считаем, что сравнительный анализ структурных компонентов профессиональной идентичности является важной теоретической и прикладной задачей. Мы изучаем структурные компоненты профессиональной идентичности обучающихся в гуманитарных вузах и предполагаем, что для «помогающих» профессий наиболее важными компонентами являются: мотивационно-карьерный; ценностно-смысловой; коммуникативно-интерактивный и регуляционно-целевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джемс У. Психология. М. : Педагогика, 1991. 367 с.
- Иванова Е. М. Качественный анализ: репертуарные личностные методики. Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 243 с.
- Иванова Н. Л. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство / Н. Л. Иванова, Е. В. Конева // Мир психологии. 2004. № 2. С. 148–156.
- Кошелева Ю. П. Роль ценностных и смысложизненных ориентаций в формировании идентичности у старшеклассников : актуальные проблемы психологического знания // Научно-практический журнал. 2015. № 3 (36). С. 20–23.
- Кошелева Ю. П. Становление профессиональной идентичности обучающихся в вузе с позиции культурно-исторического подхода / Сборник работ XVII Международных чтений памяти Л. С. Выготского «Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик». 14–19 ноября 2016 г. Москва. Т. 1. С. 283–290.

- Мид Дж. Г.* Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
- Поварёнков Ю. П.* Психологические характеристика профессиональной идентичности // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества : сб. науч. тр. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2003. С. 154–163.
- Пряжников Н. С.* Профессиональное самоопределение: теория и практика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 503 с.
- Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб. : Азбука-классика, 2013. 192 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : АСТ, 2016. 288 с.
- Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 400 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 342 с.
- Юнг К.* АИОН: исследование феноменологии самости : пер. с англ. М. : Рефлбук ; Киев : Ваклер, 1997. 330 с.

УДК 343.2/.7

В. И. Акимочкин

доцент, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
юридического факультета МГЛУ; e-mail: 9230194@rambler.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И КРИТЕРИИ ЕЕ ПРАВОМЕРНОСТИ (сравнительно-правовой анализ)

В статье проведено сравнительное исследование российского уголовного законодательства и законодательства некоторых зарубежных стран, регламентирующих правомерность действий лица в состоянии необходимой обороны; на основании конкретного примера предпринята попытка обсудить критерии правомерности необходимой обороны в случае причинения смерти посягающему лицу.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; критерии правомерности необходимой обороны; меры защиты; насилие, опасное для жизни и здоровья.

V. I. Akimochkin

PhD (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law,
Law Faculty, MSLU; e-mail: 9230194@rambler.ru

NECESSARY DEFENSE AND CRITERIA OF ITS LEGALITY (Comparative Law Analysis)

This article provides a comparative study of the Russian criminal legislation and the legislation of some foreign countries regulating the validity of actions of a person acting in self-defense. On the basis of a specific example, the author also makes an attempt to consider the criteria of legality of self-defense in the event of the death of the attacker.

Key words: necessary defense; case of overreacting; criteria of the eligibility of the necessary defense; measures of defense; dangerous for life and health violence.

Доктрина уголовного права зарубежных государств, независимо от их общественно-политического устройства, выделяет обстоятельства, при которых деяния, формально содержащие признаки состава

преступления, при определенных условиях не влекут уголовной ответственности. Такие обстоятельства чаще всего именуются «обстоятельствами, исключаящими общественную опасность и противоправность деяния». К ним относится и необходимая оборона.

Необходимая оборона как обстоятельство, исключаящее общественную опасность и противоправность деяния, рассматривается уголовным законодательством практически всех зарубежных государств как действие законное и в определенной степени общественно полезное. В основном необходимая оборона рассматривается как действие самостоятельное, не зависящее от деятельности органов государственной власти, как институт уголовного права, предоставляющий гарантии от привлечения к уголовной ответственности лицу, самостоятельно защищающему себя, близких, других лиц от общественно опасного посягательства, а также защищающему общественные или государственные интересы.

В качестве примера, а также в целях проведения анализа данного уголовно-правового института рассмотрим ряд норм Уголовных кодексов зарубежных государств, регулирующих применение института необходимой обороны.

Уголовный кодекс Франции 1992 г. (далее – УК Франции) в ст. 122-5 и ст. 122-6 предусматривает два варианта правомерной обороны (*la légitime défense*).

В частности, ст. 122-5 УК Франции определяет: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое при необоснованном посягательстве на него самого или на другое лицо, совершает в это время действие, продиктованное необходимостью законной обороны себя или других лиц, за исключением случаев несоответствия между используемыми средствами защиты и серьезностью посягательства.

Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое для того, чтобы прервать совершение преступления или проступка против собственности, совершает защитное действие, иное, чем умышленное убийство, если это действие является строго необходимым для преследуемой цели, и используемые средства соответствуют серьезности преступного деяния» [Уголовный кодекс Франции].

В ст. 122-6 УК Франции дается определение состоянию законной обороны. Находящимся в состоянии законной обороны считается лицо, которое действует, чтобы воспрепятствовать ночью проникновению

в жилое помещение путем взлома, насилия или хитрости, а также чтобы защитить себя от преступников, совершающих воровство или грабеж с применением насилия.

Для правомерной обороны, согласно УК Франции, необходимо наличие следующих обстоятельств:

- «серьезность посягательства» (под серьезностью подразумевается общественная опасность посягательства), так как недопустима оборона от посягательства, не обладающего общественной опасностью;
- посягательство должно быть наличным, т. е. действия защищающегося должны быть совершены в то время, когда происходит посягательство; не является правомерной как превентивная защита, так и запоздалая;
- посягательство должно быть неправомерным (необоснованным);
- такое посягательство, как незаконное проникновение в жилое помещение, должно происходить в ночное время суток.

Согласно УК Франции оборона должна быть:

- необходимой для защиты себя или другого лица от противоправного посягательства, а при защите имущественных интересов – строго необходимой;
- соразмерной, т. е. иметь допустимые пределы. И если в ч. 1 ст. 122-5 УК Франции пределы законной обороны конкретно не определены, то требование соразмерности особо выражено в ч. 2 ст. 122-5 УК Франции, в которой говорится о недопустимости умышленного убийства при защите собственности.

Согласно разработанной доктрине УК Франции необходимая оборона допустима против опасного нападения, угрожающего в данный момент. Опасным считается нападение, наносящее физический вред. Против морального вреда необходимая оборона недопустима.

Не допускается также превентивная защита от предполагаемого нападения, если реальная угроза не возникла, а также защита после совершенного нападения.

О превышении пределов необходимой обороны в УК Франции конкретно не говорится, но есть общее требование, которое сводится к тому, чтобы оборона была полезной и пропорциональной. При этом пропорциональность защиты не ставится в прямую зависимость от

опасности. Не обязательно, чтобы акт защиты был объективно менее опасен, чем нападение.

Выход за рамки полезности и пропорциональности считается превышением пределов необходимой обороны. В зависимости от обстоятельств дела оно может рассматриваться уголовным законом Франции как умышленное или неосторожное нарушение.

Несколько иначе рассматриваются вопросы необходимой обороны в Уголовном кодексе Италии (далее – УК Италии): «Не подлежит наказанию тот, кто совершил деяние, будучи вынужден к этому необходимостью защитить свое право или право другого лица от наличной опасности неправомерного посягательства при условии, что оборона была пропорциональна посягательству» (ст. 52 УК Италии).

Итальянское уголовное законодательство рассматривает превышение пределов необходимой обороны только как «неосторожный эксцесс». Если в случае «законной обороны» будут по неосторожности превышены пределы, установленные законом, то распоряжением власти или обусловленные необходимостью, применяются постановления о неосторожных преступлениях (ст. 55 УК Италии) [Уголовный кодекс Италии].

Уголовное законодательство Италии рассматривает неосторожное причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны как преступление. Если же превышение пределов необходимой обороны было совершено умышленно, то и ответственность наступает на общих основаниях, как за умышленное преступление.

Посягательство, от которого допустима необходимая оборона по уголовному законодательству Италии, также должно быть налично, общественно опасно и угрожать причинением тяжкого вреда личности. При этом необходимо условие, чтобы опасность посягательства не была спровоцирована самим обороняющимся и у него не было другого способа уклониться от противоправного нападения, кроме как способом причинения вреда.

Следовательно, согласно УК Италии лицо, подвергшееся нападению, не обладает безусловным правом на необходимую оборону от общественно опасного посягательства, а обязано соблюдать ряд перечисленных условий.

По уголовному праву Германии объектом защиты в состоянии правомерной обороны могут быть любые интересы, защищаемые

юридическими нормами. Оборона допустима как для защиты своих интересов, так и интересов других лиц. Вместе с тем лицо не имеет права защищать по правилам необходимой обороны общесоциальные ценности, такие как общественную безопасность, интересы правосудия и т. п. [Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. Общая Часть].

Защита при правомерной обороне должна быть необходимой, что определяется видом и интенсивностью посягательства, а также имеющимися средствами защиты. Оборона должна быть соразмерной, т. е. соответствовать задаче пресечения или отражения посягательства в конкретных условиях.

Особенностью Уголовного кодекса Федеративной Республики Германия является следующее обстоятельство: в тех случаях, когда посягательство совершают лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, либо страдающие психическими заболеваниями, а равно действующие по неосторожности, причинение вреда посягающему в состоянии правомерной обороны допускается лишь при отсутствии иных способов пресечения посягательства.

Лицо, причинившее вред при превышении пределов необходимой обороны, не подлежит ответственности по уголовному законодательству ФРГ, если оно действовало в состоянии замешательства, страха, испуга, т. е. если в действиях обороняющегося не было умысла на причинение телесных повреждений.

Уголовное законодательство Швеции также рассматривает состояние необходимой обороны как действие, не подлежащее наказанию. В частности, ст. 1 главы 24 УК Швеции определяет: «Деяние, совершенное лицом в состоянии самообороны, образует преступление, только если, учитывая характер преступного нападения, важность его объекта и обстоятельства в целом, оно явно неоправданно.

Право на самооборону существует против:

- начавшегося или надвигающегося преступного нападения на лицо или собственность;
- лица, которое с применением насилия или угрозы насилия или каким-либо другим способом препятствует восстановлению во владении собственностью, когда поймано при совершении преступления;

- лица, которое незаконно вторглось или пытается вторгнуться в комнату, дом, двор или судно, или
- лица, которое отказывается покинуть жилище, когда ему было приказано это сделать» [Уголовный кодекс Швеции].

Обороне, согласно уголовному законодательству Швеции, подлежат те блага, которые носят исключительно личный характер: жизнь, телесная неприкосновенность, здоровье человека, а также собственность и жилище. Посягательство на государственные и общественные интересы, общественную безопасность и правосудие исключает возможность необходимой обороны.

Для признания обороны правомерным актом необходимо, чтобы были соблюдены следующие условия:

- посягательство должно быть действительным и реально существующим;
- оно должно быть сопряжено с незаконным применением силы;
- при посягательстве на личное имущество – виновный был застигнут на месте преступления;
- должен учитываться характер нападения и важность защищаемого объекта;
- должны быть соблюдены пределы необходимой обороны.

Характерным для необходимой обороны Уголовного кодекса Швеции является то, что превышение пределов необходимой обороны не рассматривается как преступное деяние. В ст. 5 главы 24 Уголовного кодекса Швеции указано, что, если кто-нибудь применит большую силу или причинит более серьезный вред, чем это необходимо в конкретном случае, он, тем не менее, не должен быть наказан, поскольку обстоятельства дела были таковыми, что он едва ли мог остановиться, чтобы подумать.

Действия обороняющегося рассматриваются как совершенные при превышении пределов необходимой обороны только в том случае, когда они явно преступны. В этом случае может быть назначено меньшее наказание, чем определено за данное преступление.

Уголовный кодекс Швейцарии (далее – УК Швейцарии) предусматривает примерно такие же условия соблюдения необходимой обороны, как и Уголовный кодекс Швеции. Ст. 33 УК Швейцарии определяет: «Если на кого-то неправомерно нападают или кому-то непосредственно угрожают нападением, то он или любой другой имеют

право отразить посягательство способом, соразмерным обстоятельствам» [Уголовный кодекс Швейцарии].

Из требований уголовного закона Швейцарии вытекает, что превышение пределов необходимой обороны не имеет самостоятельного состава преступления, а лишь является смягчающим вину обстоятельством по усмотрению суда (п. 2 ст. 33 УК Швейцарии). При этом превышение пределов необходимой обороны не влечет уголовной ответственности, когда проистекает из оправданного состояния возбуждения или внезапного испуга, вызванного нападением, а также в случаях душевного волнения, так как обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства и меры защиты. В такой ситуации лицо не подвергается никакому наказанию.

Более подробным и интересным представляется изложение вопросов необходимой обороны в Уголовном кодексе Индии (далее – УК Индии). Раздел УК Индии «О праве необходимой обороны» содержит 11 статей, закрепляющих право на необходимую оборону, основания, условия и пределы обороны при различных обстоятельствах [Уголовный кодекс Индии].

Ст. 96 УК Индии определяет общие положения и закрепляет, что не является преступлением действие, совершаемое при осуществлении права необходимой обороны. Право необходимой обороны, согласно УК Индии, возникает в случае защиты:

- своего тела и тела другого лица против преступления, направленного против человеческого тела;
- имущества, движимого или недвижимого, своего или любого другого от любого действия, которое является преступлением, подпадающим под определение кражи, разбоя, порчи имущества или преступного нарушения границы чужого владения.

Следует отметить, что необходимая оборона не допускается против действия, которое не вызывает разумного опасения смерти или тяжкого телесного вреда, а также против должностного лица, действующего добросовестно, даже если его действия не были напрямую закреплены в законе. Вместе с тем лицо не лишается права необходимой обороны против действия должностного лица, если обороняющийся не знает или не имеет основания и возможности полагать, что лицо, совершающее внешне противоправное действие, является должностным, либо

его действия совершаются по поручению должностного лица, но при этом оно не указывает полномочий, на основании которых действует, либо не предъявляет письменные полномочия, несмотря на требование обороняющегося (ст. 99 УК Индии). Таким образом, неосведомленность обороняющегося о том, что перед ним должностное лицо, исполняющее свой служебный долг, освобождает его от ответственности за вред, причиненный такому должностному лицу в процессе законной обороны.

Необходимая оборона, кроме этого, недопустима в случаях, когда имеется время прибегнуть к защите со стороны публичных властей. В этой части усматривается характерная особенность уголовного законодательства Индии.

В результате необходимой обороны ни в коем случае не может быть причинен больший вред, чем это необходимо в целях обороны (ст. 99 УК Индии).

Кроме указанных выше общих пределов необходимой обороны, УК Индии имеет детализированные пределы, которые облегчают применение уголовно-правовых норм, касающихся необходимой обороны на практике. Так, право необходимой обороны тела включает в себя право на сознательное причинение смерти или любого другого вреда нападающему, если преступление, которое служит основанием для осуществления такого права, подпадает под любое из указанных ниже определений, а именно:

- нападение совершается при обстоятельствах, которые разумно могут вызвать у потерпевшего опасение, что если он не прибегнет к обороне, то последствием может стать причинение смерти;
- нападение совершается при обстоятельствах, которые разумно могут вызвать у потерпевшего опасение, что если он не прибегнет к обороне, то последствием может стать причинение тяжкого телесного вреда;
- нападение совершается с намерением совершить изнасилование;
- нападение совершается с намерением удовлетворить противоестественную похоть;
- нападение совершается с намерением похитить ребенка или женщину;

- нападение совершается с намерением неправомерно лишить потерпевшего свободы при обстоятельствах, которые разумно могут вызвать у него опасение, что он не будет иметь возможности прибегнуть для своего освобождения к помощи публичных властей (ст. 100 УК Индии).

В случае, если преступление не подпадает под признаки, предусмотренные ст. 100 УК Индии, то допустимо причинение нападающему любого иного вреда, кроме смерти (ст. 101 УК Индии).

Аналогично решается вопрос необходимой обороны в случае посягательства на имущество обороняющегося. При обороне имущества допускается причинение любого вреда и даже смерти, если преступление, которое служит основанием для осуществления такого права, представляет собой:

- разбой;
- вторжение в жилой дом в ночное время;
- порчу имущества путем поджога здания, а также палатки или судна, если они используются в качестве жилья или места для хранения имущества;
- кражу, порчу имущества или нарушение границ чужого дома при таких обстоятельствах, которые разумно могут вызвать опасение, что последствием их, если потерпевший не прибегнет к обороне, будет смерть или тяжкий телесный вред (ст. 103 УК Индии).

Если же перечисленные в ст. 103 УК Индии признаки отсутствуют, то сознательное причинение смерти не допускается.

В законодательстве Индии закреплены и пределы необходимой обороны во времени. В частности, ст. 102 УК Индии определяет: «Право необходимой обороны тела начинается существовать тогда, когда возникает разумное опасение наличия опасности для тела ввиду покушения или угрозы совершения преступления, даже если преступление не было совершено, и продолжает оно существовать до тех пор, пока существует такое опасение для тела» [Уголовный кодекс Индии 1958, с. 71].

Уголовный кодекс Индии вполне определенно допускает право необходимой обороны по отношению к гражданам, не подлежащим уголовной ответственности: «В случае, когда действие, которое при других условиях представляло бы собой преступление, не является

таковым по причине молодого возраста, недостатка зрелости, разума, душевной болезни или опьянения лица, совершающего это действие, или по причине неправильного представления о чем-либо со стороны такого лица, всякий имеет такое же право необходимой обороны против такого действия, какое он имел бы, если бы действие было преступлением» (ст. 98 УК Индии) [Уголовный кодекс Индии 1958, с. 69].

Характерным для Уголовного кодекса Индии является и право риска причинения вреда невинному лицу. Однако этот риск допустим только в случае смертельной опасности посягательства: «Если при осуществлении права необходимой обороны от нападения, которое разумно вызывает опасение причинения смерти, обороняющийся находится в таком положении, что он не может эффективно использовать это право без риска причинения вреда невинному лицу, его право необходимой обороны распространяется на такой риск» (ст. 106 УК Индии). В этом заключается отличительная особенность от требования уголовного законодательства, в частности, Российской Федерации, где не признается состоянием необходимой обороны причинение вреда третьим лицам.

Несмотря на некоторые различия в подходах к оценке условий, обстоятельств и пределов причинения вреда в состоянии необходимой обороны, многие вопросы в данной области решаются государствами схожим образом. Это говорит о том, что необходимая оборона в основном одинаково воспринимается ими как важнейший институт уголовного законодательства, который служит дополнительной гарантией защиты прав граждан от возможных противоправных посягательств. Так, уголовное законодательство как большинства зарубежных государств, так и Российской Федерации, основанием необходимой обороны считает общественно опасное, наличное (реально существующее) посягательство против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, а равно частной, общественной и государственной собственности.

Проведенный нами анализ законодательства зарубежных стран показал, что необходимая оборона чаще всего недопустима при защите от малозначительного посягательства. В случаях посягательства, не связанного с угрозой жизни, обычно требуется соблюдение пределов допустимой обороны. И наоборот, в случае угрозы жизни

обороняющегося, половой неприкосновенности, а также, когда посягательство сопряжено с похищением, уголовным законодательством многих стран допускается причинение любого вреда посягающему, в том числе и смерти.

Уголовное законодательство практически всех проанализированных стран допускает необходимую оборону при покушении на имущественные блага. Причинение вреда в подобной ситуации должно быть соразмерным и необходимым для защиты своих интересов. При этом имеют место некоторые (преимущественно частные) расхождения в оценке обстоятельств и пределов причинения вреда. Обычно считается недопустимым причинение смерти при защите имущественных благ, но при этом угроза жизни обороняющегося, например, при грабеже или разбое, предоставляет право причинять любой вред посягающему. Так, УК Франции конкретно указывает, что защита по правилам необходимой обороны, в том числе и с причинением смертельного вреда, возможна против воровства или грабежа с применением насилия (ст. 122-6 УК Франции). УК Швеции выделяет следующую особенность защиты материальных благ: разрешается применять необходимую оборону при возврате незаконно захваченного имущества, но только в том случае, когда виновник застигнут на месте преступления. Такая позиция представляется не лишенной здравого смысла, так как предоставление права изымать из незаконного владения свое имущество по истечении длительного времени может породить самоуправство. Кроме этого, по правилам необходимой обороны причинение вреда недопустимо, когда посягательство уже прекращено.

Законность необходимой обороны от противоправных посягательств малолетних, душевнобольных лиц в большинстве зарубежных государств прямо не установлена. Тем не менее, это не означает, что она недопустима. Например, УК Индии прямо предусматривает в законодательном порядке возможность безусловной необходимой обороны от посягательств такой категории граждан (ст. 99 УК Индии). УК ФРГ допускает необходимую оборону от лиц, не подлежащих уголовной ответственности, в том числе и от лиц, находящихся в состоянии опьянения, но только когда у обороняющегося не было другой возможности избежать посягательства и защитить свои интересы. УК РФ также не закрепляет в законодательном порядке возможности

причинения вреда в состоянии необходимой обороны в случае посягательства малолетних, душевнобольных и т. д., но, тем не менее, теория и практика уголовного права вполне определенно и безусловно считает справедливым причинение вреда в подобных случаях. Ограничение права на необходимую оборону препятствует реализации не только уголовно-правовых, но и конституционных прав граждан, что в свою очередь недопустимо.

Представляются также не совсем удачными положения УК Италии, признающего оборону законной и необходимой, если у обороняющегося не было другой возможности уклониться от посягательства, и УК Индии, предусматривающего обязательную необходимость обращаться за помощью к представителям власти. Подобные ограничения, на наш взгляд, недопустимы, поскольку необходимая оборона – это безусловное право гражданина, не зависящее от деятельности органов государственной власти. На это обстоятельство прямо указывает ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), где определено, что право необходимой обороны принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Отличительной особенностью уголовного законодательства некоторых стран является то, что посягательство не должно быть спровоцировано со стороны защищающегося. Это представляется верным, но следует уточнить, что даже в случае противоправного посягательства лицо, посягнувшее на чужие права, не ставит себя тем самым вне закона, а может защищаться по правилам необходимой обороны в случае превышения допустимой обороны со стороны защищающегося.

Насилие со стороны обороняющегося не признается законным также в том случае, когда оно применено для оказания сопротивления правомерным действиям должностного лица при исполнении им служебных или иных возложенных на него обязанностей. Тем не менее лицо не лишается права на необходимую оборону, во-первых, когда по обстоятельствам дела оно не знало и не могло знать, что перед ним должностное лицо, а должностное лицо не уведомило гражданина об этом в установленном порядке, а, во-вторых, против явно незаконных, преступных действий должностного лица.

Превышение пределов необходимой обороны в основном рассматривается как деяние противоправное, но смягчающее ответственность.

Не подлежит уголовной ответственности лицо за превышение пределов необходимой обороны, когда оно действовало в состоянии страха, волнения, паники, испуга, сильного эмоционального возбуждения, когда у превысившего пределы необходимой обороны не было умысла на причинение вреда большего, чем требовалось для отражения посягательства. В связи с этим не вполне справедливым представляются положения УК Италии, в соответствии с которыми умышленное причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны рассматривается как преступление, совершенное умышленно. Тот факт, что превышение было совершено в процессе обороны от противоправного посягательства, должен учитываться при определении виновности и меры наказания, так как превысивший пределы был, во-первых, спровоцирован на такие меры, а, во-вторых, не всегда в процессе реального правоприменения возможно провести грань между умышленным причинением вреда в состоянии необходимой обороны, превышением пределов в состоянии аффекта и причинением вреда, когда обороняющемуся не было достоверно известно о том, что посягательство прекращено. Таким образом, бесспорно то, что умышленное причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны должно влечь за собой ответственность, но в то же время оно должно существенно смягчать вину.

Исследуя институт необходимой обороны государств, входящих в бывшее советское пространство, мы также не находим существенных отличий от требований норм, рассмотренных выше. Более того, некоторые положения имеют едва ли не абсолютное сходство с критериями правомерности необходимой обороны, предусмотренными российским уголовным законодательством.

Весьма интересным и требующим отдельного внимания представляется вопрос о правомерности необходимой обороны в случае попытки противоправного проникновения в жилище, поскольку ст. 37 УК РФ данное обстоятельство конкретно не предусматривает. В отличие от УК РФ, в ст. 36 Уголовного кодекса Украины определено, что не является превышением пределов необходимой обороны и не влечет уголовную ответственность применение оружия или каких бы то ни было иных средств или предметов, в частности, для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного

посягающему. О правомерности действий в состоянии необходимой обороны в случае насильственного вторжения в жилище или иное помещение, сопровождающегося опасным для жизни или здоровья насилием, либо угрозой такого насилия также указано в ст. 32 Уголовного кодекса Республики Казахстан, в ст. 36 Уголовного кодекса Республики Молдова, в ст. 28 Уголовного кодекса Литвы.

Проблемы, возникающие в правоприменительной практике при решении вопроса о наличии права на необходимую оборону, можно проиллюстрировать на следующем примере. В ночь на 2 января 2016 г. в селе Миасское Челябинской области было совершено убийство четырех человек. Это происшествие было освещено во многих средствах массовой информации. Сообщалось, что приехавшие по вызову медики и полицейские обнаружили в одном из дворов поселка трупы трех мужчин и одной женщины с огнестрельными дробовыми ранениями. Убитыми оказались жители поселка Курейное. Еще один мужчина с огнестрельным ранением левого предплечья выжил и был доставлен в больницу.

Стрелявший Григорьев и его родственники рассказали следствию, что в их дом заявила компания из-за конфликта, возникшего у одной из родственниц. Сначала до потери сознания был избит хозяин дома, потом «гости» принялись избивать его брата. Когда хозяин очнулся, то, по его словам, он увидел, как один из напавших с ножом вошел в дом, где находились его жена и дочь. Тогда он схватил ружье и начал стрельбу.

В последующем, по ходатайству следствия, стрелявший Григорьев был взят под стражу, поскольку был ранее судим за нанесение побоев, а соседи охарактеризовали его как человека пьющего. Выживший же с огнестрельным ранением левого предплечья пояснил, что в избивании он якобы не участвовал, а стоял в стороне. Когда же хозяин дома выскочил на улицу с дробовиком и начал стрелять, он побежал, спасая свою жизнь, но был ранен.

Высказывались различные точки зрения относительно правомерности или неправомерности поведения Григорьева в такой весьма неоднозначной ситуации. Предполагалось, что существенное значение при квалификации его действий будет иметь тот факт, погашена или нет его судимость, был ли направлен его умысел на убийство, состояли ли он на учете в наркологическом и психоневрологическом диспансерах

и т. д. Рассматривался также вопрос о возможности привлечения Григорьева к уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Ни одно из перечисленных обстоятельств не имеет никакого значения для определения факта: имела ли место в данном случае необходимая оборона, или эти действия необходимо было квалифицировать как банальное убийство. Из материалов уголовного дела следует, что жизни Григорьева и членов его семьи угрожала реальная опасность, поскольку он увидел, как один из нападавших с ножом вошел в дом, где находились его жена и дочь. Только после этого, уже будучи сильно избитым, в целях защиты себя и близких он решил применить огнестрельное оружие.

Данное обстоятельство регламентировано не только ст. 37 УК РФ, но и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Так, ч. 2 названного Постановления определяет, что общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого

лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

Все обстоятельства, изложенные в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дают основания полагать, что Григорьев действовал абсолютно законно, приняв единственно верное решение защищаться всеми предоставленными законом способами вплоть до причинения смерти посягающему.

Возникает вопрос, а имел ли право Григорьев стрелять в других лиц, пришедших в его дом для выяснения отношений, так как оружие было в руках только одного из нападавших. На этот вопрос в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации также дан вполне определенный ответ.

В частности, п. 2 Постановления определяет, что при посягательстве нескольких лиц обороняющееся лицо вправе применить к любому из них такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы.

Вызывает удивление и решение правоохранительных органов о заключении Григорьева под стражу (только после вмешательства лично председателя Следственного комитета Российской Федерации он остался на свободе до окончательного выяснения всех обстоятельств происшедшего). Данный вопрос казалось уже был урегулирован еще в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. Так, ст. 200 Соборного уложения царя Алексея Михайловича определяла: «А будет тот, к кому они таким умышлением приедут, бороняся от себя, и дом свой обороняя, кого из них убьет до смерти, и привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил по неволе, от себя бороняся: и ему того в вину не ставить; а кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя, не приежай на чужой дом насильством» [Соборное уложение 1649 года 1961, с. 140].

По окончании проведения предварительного расследования следователь пришел к выводу, что в данной ситуации Григорьев применил адекватные меры, и уголовное дело было прекращено в порядке ст. 24 УПК РФ из-за отсутствия в его действиях состава преступления.

По последней информации стало известно, что постановление следователя о прекращении уголовного преследования Григорьева отменено прокуратурой Челябинской области и направлено для проведения дополнительных следственных действий, поскольку в деле

имеются некоторые противоречия в показаниях Григорьева и в заключениях экспертиз. Но это уже другой вопрос. Полагаем, что справедливость, тем не менее, восторжествует.

Данное дело свидетельствует о том, что вопрос о правомерности действий лица в состоянии необходимой обороны продолжает оставаться весьма сложным и неоднозначным при решении практических задач на правоприменительном уровне. В свою очередь, является необходимым включение в ст. 37 УК РФ положения о допустимости причинения любого вреда посягающему, в случае его противоправного вторжения в жилище или иное помещение, сопровождающегося опасным для жизни или здоровья насильем либо угрозой такого насилия.

Итак, анализ уголовного законодательства России и зарубежных стран дает основание полагать, что институт необходимой обороны в достаточной степени разработан всеми государствами и используется гражданами при защите как своих прав и законных интересов, так и прав других лиц, общества и государства. Наряду с имеющимися отдельными несущественными различиями необходимая оборона большинством стран законодательно закреплена как право граждан, не зависящее от деятельности государства. Право на необходимую оборону имеют в равной степени все граждане независимо ни от каких условий, в том числе профессиональной подготовки и служебного положения защищаемого. Превышением пределов необходимой обороны признаются ответные умышленные действия, не соответствующие тяжести и общественной опасности посягательства. Они расцениваются практически всеми государствами как смягчающие вину обстоятельства, а в отдельных случаях вовсе не влекут за собой уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Соборное уложение 1649 года / под ред. М. Н. Тихомирова, П. П. Елифанова. М., 1961. 431 с.
- Уголовный кодекс Индии : пер. с англ. / под ред. и предисл. Б. С. Никифорова ; пер. А. С. Михлин. М. : Иностр. лит., 1958. 240 с.
- Уголовный кодекс Индии. URL : http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=201593
- Уголовный кодекс Италии. URL : http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=229521

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. Общая часть. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>

Уголовный кодекс Франции. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>

Уголовный кодекс Швейцарии. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950>

Уголовный кодекс Швеции. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241607&subID=100097432,100097434,100097446>

УДК 347.4

Д. Х. Ахметжанова, А. А. Кальгина

Ахметжанова Д. Х., аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета МГЛУ;
e-mail: dinara.akhmetzhanova@gmail.com

Кальгина А. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
юридического факультета МГЛУ;
e-mail: aleksandranauka6@yandex.ru

РОДОВОЕ И АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ

В статье проведено сравнительное исследование родового и альтернативного обязательства. Анализ их сходства и отличия имеет значение для распространения выработанных правовых позиций в отношении альтернативного обязательства, как наиболее широко изученного, на обязательство родовое в части приобретения им определенности содержания. Несмотря на имеющиеся отличительные признаки, грань между родовым и альтернативным обязательствами на стадии их формирования очень тонка.

Ключевые слова: родовое обязательство; альтернативное обязательство; концентрация.

D. Kh. Akhmetzhanova, A. A. Kalgina

Akhmetzhanova D. Kh., Postgraduated student (Law),
Department of Civil Law Disciplines, Law Faculty, MSLU;
e-mail: dinara.akhmetzhanova@gmail.com

Kalgina A. A., PhD (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines, Law Faculty, MSLU;
e-mail: aleksandranauka6@yandex.ru

INDETERMINATE AND ALTERNATIVE OBLIGATIONS: SIMILARITY AND DIFFERENCE

In this paper, a comparative study of an indeterminate and alternative obligations. Analysis of similar and different features of an indeterminate and alternative obligations is very important in order to spread legal positions connected with the alternative obligations, as the most well-researched, to the indeterminate obligations with respect to the specification of the scope of obligation. In spite of features of difference, there is a thin line between indeterminate and alternative obligation at the moment of their creation.

Key words: indeterminate obligation; alternative obligation; concentration.

В теории и практике гражданского оборота выделяются обязательства с относительно определенным содержанием, в которых действия, к которым обязывается должник не вполне определены [Победоносцев 2003]. Как правило, содержание таких обязательств становится определенным только в момент их исполнения. Наиболее яркими примерами обязательств с относительно определенным содержанием являются обязательства родовые и альтернативные.

Родовым признается обязательство, объект исполнения которого в момент возникновения обязательства не определен, в результате чего в дальнейшем возникает необходимость в совершении действия или ряда действий для того, чтобы содержание обязательства получило свою определенность [Rabel 1964, с. 339]. Действия по приданию родовому обязательству определенности его содержания называют по-разному: конкретизация, концентрация, индивидуализация и т. д. [Rabel 1964, с. 339; Haver 1900, с. 18, 36; Grawert 1932, с. 15]. В договоре купли-продажи вещей, определенных родовыми признаками, как основного вида родового обязательства, в результате осуществления данных действий создается определенность относительно того, какими именно вещами продавец исполнит обязательство [Huber 2008, с. 145; Haver 1900, с. 9; Grawert 1932, с. 22].

Таким образом, родовое обязательство является обязательством с относительно определенным содержанием, в котором установлены лишь общие признаки, присущие целому роду вещей или действий, которым должен соответствовать объект исполнения обязательства [Grawert 1932, с. 7–8; Rabel 1964, с. 339; Lessmann 1982, с. 280; Huber 2008, с. 145].

Еще одним ярким примером обязательства с относительно определенным содержанием является обязательство *альтернативное*. Анализ сходства и отличия родового и альтернативного обязательств имеет большое значение ввиду того, что учение о концентрации изначально разрабатывалось применительно к альтернативным обязательствам. Результаты анализа соотношения родового и альтернативного обязательств могут повлиять на распространение правовых позиций и мнений ученых, высказанных в отношении альтернативных обязательств, на обязательства родовые [Fischer 1907, с. 170–171].

Альтернативному обязательству также свойственна изначальная неопределенность содержания. Обязанность должника здесь заключается

в совершении одного из нескольких заранее определенных действий (*Leistung*), которое будет признаваться надлежащим исполнением. Содержание обязательства будет оставаться относительно определенным до тех пор, пока не наступит невозможность исполнения одного из оговоренных сторонами действий, или лицо, обладающее правом выбора, не объявит о том, каким именно образом должно быть исполнено обязательство [Шершеневич 2005].

И в родовом, и в альтернативном обязательстве сохраняется возможность его исполнения при гибели части предметов, из которых должно быть осуществлено исполнение. В литературе также отмечается, что стороны не делают различий между родовыми вещами, подлежащими предоставлению в рамках родового обязательства, и между предметами исполнения, из которых делается выбор в альтернативном обязательстве. Считается, что в силу достигнутого сторонами соглашения все предоставления равнозначны для сторон [Новицкий, Лунц 1950].

Однако, несмотря на приведенный выше анализ сходных черт родового и альтернативного обязательств, между ними существуют значительные отличия.

В родовом обязательстве в момент его возникновения существует только одно предоставление (*Leistung*), к которому обязуется должник. Однако в рамках данного предоставления должник вправе отобрать родовые объекты, которые будут объектом исполнения обязательства. В альтернативном же обязательстве изначально существуют несколько предоставлений, которые могут быть определены индивидуальными или родовыми признаками, и из которых только одно будет в конце концов исполнено обязательством [Friedrich 1910, с. 13–17]. Тем самым неопределенность содержания в альтернативном и родовом обязательствах различна: в родовом обязательстве неопределенность поражает объект предоставления (*der Gegenstand der Leistung*), а в обязательстве альтернативном – само предоставление (*Leistung*) [там же, с. 21].

В родовом обязательстве круг объектов, из которых может быть осуществлено предоставление, однороден, поэтому и должнику, и кредитору все равно, какие именно объекты будут в итоге предоставлены в качестве исполнения обязательства. В альтернативном обязательстве, на первый взгляд, похожая ситуация, если принимать

во внимание то, что стороны достигли соглашения и признают любое из предоставлений надлежащим исполнением. Однако с этим сложно согласиться ввиду того, что предметы исполнения в альтернативном обязательстве по своей природе не являются однородными, лишь воля сторон делает их равнозначными в целях исполнения данного конкретного обязательства [Fischer 1907, с. 171, 184–186]. Наличие права выбора между предметами исполнения у одной из сторон обязательства лишний раз доказывает то, что каждый из согласованных сторонами предметов исполнения имеет для стороны особое значение. Таким образом, в обязательстве родовом присутствует однородность объектов обязательства, чего нельзя сказать об альтернативном обязательстве [Friedrich 1910, с. 18].

Для того чтобы содержание альтернативного обязательства стало определенным, т. е. наступила концентрация обязательства, достаточно того, чтобы сторона, которой принадлежит право выбора, объявила о том, какое именно предоставление выбрано для исполнения обязательства [Агарков 1940, с. 67, 70]. В российском праве это следует из п. 2 ст. 308.1 ГК РФ: «С момента, когда должник (кредитор, третье лицо) осуществил выбор, обязательство перестает быть альтернативным». В обязательстве родовом, в отличие от альтернативного, у должника отсутствует необходимость в выборе предмета исполнения, так как этот предмет определен родовыми признаками [Гражданское право 2005, с. 635]. Более того, в родовом обязательстве простого заявления недостаточно; считается, что необходимо также, как минимум, осуществить и действия по обособлению соответствующего количества родовых вещей из общей однородной массы [Fischer 1907, с. 172; Grawert 1932, с. 14].

В обязательстве родовом права выбора как самостоятельного правомочия нет. Конечно, должник обязан выделить определенное количество родовых вещей из общей массы, т. е. выбрать их, но это не является проявлением воли, это скорее действие фактическое. Кроме того, выбор осуществляется не между различными предоставлениями (*Schuldgegenstaende*), а между объектами (вещами), которыми будет осуществлено предоставление в рамках обязательства (*Leistungsgegenstaende*) [Friedrich 1910, с. 23]. Выделение вещей из однородной массы это лишь начало или просто часть действий по исполнению обязательства. Должник по родовому обязательству обязан

изначально путем совершения действий по выделению создать объект исполнения, а затем передать его кредитору. Действия по выбору конкретных родовых вещей являются лишь подготовительными для целей исполнения обязательства. Таким образом, концентрация содержания родового обязательства наступает позже в сравнении с обязательствами альтернативными [Fischer 1907, с. 174, 188].

Из вывода о том, что право выбора в альтернативном обязательстве рассматривается как самостоятельное субъективное право в отличие от обязательства родового, в котором выбор признается лишь как элемент исполнения обязательства, следуют важные заключения. В литературе обсуждается вопрос относительно того, может ли право выбора принадлежать не должнику, а кредитору в обязательстве. Если стороны альтернативного обязательства договорятся о том, что правом выбора конкретного предоставления, которое будет являться исполнением обязательства, обладает кредитор, это не будет противоречить смыслу и сути альтернативного обязательства. Что же касается обязательства родового, то, с одной стороны, кредитору выбор предоставить нельзя, если исходить из того, что выбор является неотъемлемым элементом исполнения обязательства. А исполнение, как известно, осуществляет должник. Однако, если рассматривать выбор на стороне кредитора как вспомогательное действие, которое он должен осуществить для того, чтобы должник мог исполнить обязательство, нельзя отрицать того, что и в родовом обязательстве выбор может быть и у кредитора обязательства [Friedrich 1910, с. 23–24].

Принимая во внимание то, что выбор в родовом обязательстве является, скорее, действием фактическим как часть исполнения и не влечет юридических последствий, влияющих на судьбу обязательства, волеизъявление должника или кредитора о том, что обязательство будет исполнено предоставлением определенных объектов, не препятствует замене их на однородные и предоставлению их кредитору в качестве исполнения. В любом случае, если предоставленные объекты отвечают оговоренным сторонами родовым признакам и требованиям качества, исполнение будет осуществлено [там же, с. 26–27]. Этого, однако, нельзя сказать об обязательстве альтернативном, так как с момента волеизъявления о выборе предоставления обязательство перестает быть альтернативным, и возможность заменить выбранное предоставление на другое, согласованное сторонами, исчезает. Если всё же должник

передумает после осуществления права выбора и захочет исполнить обязательство иным предоставлением, кредитор вправе не принимать его, а в случае принятия можно говорить лишь о замене исполнения, а не об исполнении обязательства [Friedrich 1910, с. 26–28].

Квалификация выбора как самостоятельного права в альтернативном обязательстве и элемента исполнения в родовом также влияет и на начало просрочки кредитора по принятию предложенного должником исполнения. В приведенной выше ситуации, где должник в альтернативном обязательстве после объявления выбора предоставления меняет свое мнение и предлагает кредитору принять иное предоставление, кредитор вправе не принимать данное предоставление, не боясь того, что впадет в просрочку по принятию исполнения. Иная ситуация складывается с обязательством родовым, где выбор не имеет такого значения как в альтернативном обязательстве. В случае предоставления должником кредитору иных вещей по сравнению с теми, которыми изначально планировалось исполнить обязательство, кредитор не вправе отказаться от их принятия, а в случае его отказа – начинает течь просрочка [там же, с. 28].

Еще одним отличием, как следствием различия квалификации выбора в альтернативном и родовом обязательствах, является то, что в случае неосуществления должником права выбора в предусмотренный срок имеет смысл говорить о просрочке должника, в обязательстве же родовом можно говорить лишь о просрочке должника по исполнению обязательства, а не по осуществлению выбора объектов исполнения [там же, с. 35].

Помимо осуществления права выбора, содержание альтернативного обязательства может получить определенность и в случае гибели одного из предметов исполнения. В таком случае обязательство сконцентрируется на оставшемся согласованном сторонами предоставлении. Таковую ситуацию в отношении родового обязательства практически невозможно представить ввиду правила «род не гибнет» (*genus perire non censetur*) [Grawert 1932, с. 18].

В литературе отмечается, что в результате концентрации родового обязательства, т. е. наступления определенности содержания обязательства, родовое обязательство превращается в обязательство видовое. Так это или нет, требует отдельного обсуждения [Bessenуое 2008, с. 29–30; Huber 2008, с. 147; Шершеневич 2005]. Что же касается

альтернативного обязательства, отмечается, что в результате концентрации оно превращается в простое, которое в зависимости от того, как были сформулированы сторонами предоставления, может быть как видовым, так и родовым [Friedrich 1910, с. 46].

Необходимо, однако, отметить, что наличие права выбора и сохранение обязательства после гибели одного из предоставлений являются лишь вторичными отличительными признаками альтернативного и родового обязательств. Первичным признаком следует признать формулирование сторонами содержания обязательства, где в родовом обязательстве все объекты, отвечающие согласованным сторонами родовым признакам, признаются сторонами в качестве равноценных. В альтернативном же обязательстве, как правило, предметы исполнения не являются однородными, однако стороны в целях исполнения обязательства признают предоставление одного из них достаточным [Dorn 2007, с. 369].

Как уже отмечалось, неопределенность содержания в альтернативном и родовом обязательствах различна: в родовом обязательстве неопределенность поражает объект предоставления (*der Gegenstand der Leistung*), а в альтернативном – само предоставление (*Leistung*) [Friedrich 1910, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
- Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 1. М. : Проспект, 2005. 773 с.
- Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М. : Юрид. лит., 1950. 412 с.
- Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. URL : http://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_3.html
- Шеришневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 2. М. : Статут, 2005. 461 с. URL : http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1577.html
- Bessenyoë A.* Zum Problem des roemischem Gattungskaufs / Kaufen nach Roemischem Recht. Antikes Erbe in den europaeischen Kaufrechtsordnungen / Hg. v. Eva Jakob, Wolfgang Ernst. Springen-Verlag Berlin Heidelberg, 2008. S. 1–52
- Dorn F.* Kommentar zum § 243 BGB / Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. hg. v. Mathias Schmöckel, Joachim Rückert, Reinhard Zimmermann. Band II.

Schuldrecht: Allgemeiner Teil §§ 241–432. 1. Teilbar: vor § 241–§304. Mohr (Siebeck), Tübingen 2007. S. 365–431.

Fischer H. A. Konzentration und Gefahrtragung bei Gattungsschulden // Jherings Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts. 1907. Bd. 51. S. 159–238.

Friedrich J. Der Unterschied zwischen Gattungsschuld und Wahlschuld. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwuerde der juristischen Fakultät der Universität Breslau. Berlin. Verlag von R. Trenkel. 1910. 53 S.

Grawert M. Die Konzentration der Gattungsschuld. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer Hohen Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Universität Koeln / Hagen (Westf.) Westfälische Verlagsanstalt Thiebes & Co. 1932. 64 S.

Haver W. Die Gattungsschuld. Berlin: Ebering, 1900. 123 S.

Huber P. § 243 ff. // J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2: Recht der Schuldverhältnisse. § 243 ff. (Der Leistungsgegenstand). Berlin: Sellier de Gruyter. 2008. S. 145–149.

Lessmann H. Grundprobleme der Gattungsschuld // JA. 1982. Heft 6. S. 280–285.

Rabel E. Das Recht des Warenkaufs: Eine rechtsvergleichende Darstellung : In 2 Bde. Bd. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1964. 536 S.

УДК 340.5

В. И. Зубкова

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник юридического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: zybkovav.i@mail.ru

ПРЕДМЕТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматривается вопрос о предмете сравнительного уголовного права. Анализируется законодательство стран Европы, а также научные позиции как российских, так и зарубежных исследователей. Дается определение предмета сравнения, которое, с точки зрения автора, является более приемлемым, позитивно показывающим сравнимость одинаковых объектов.

Ключевые слова: компаративистика; предмет и объект сравнения; правоведе-
ние; уголовное право.

V. I. Zubkova

Doctor of Law (Dr.habil.), Professor, Scientific worker of Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: zybkovav.i@mail.ru

COMPARATIVE LAW IN THE SPHERE OF CRIMINAL LAW AND ITS SIGNIFICANCE

The article discusses the subject of comparative criminal law. We analyze the legislation of European countries, as well as the scientific positions of both Russian and foreign researchers. The article provides the definition of the object of comparison, which (from the point of view of the author) is the more appropriate, positively showing comparability of similar objects.

Key words: comparative; subject and object of comparison; law; criminal law.

Последние годы ознаменовались большим ростом сравнительных исследований в различных отраслях общественных наук. В правовых науках подобные работы имеют свои многовековые традиции, но особенно активно они стали развиваться с начала XX столетия. Чаще всего происхождение сравнительного правоведения датируется с основания «Общества сравнительного законодательства» в Париже и созыва там же в 1900 г. I Международного конгресса сравнительного права. Французский юрист М. Ансель считает, что только с этого момента сравнительное правоведение приобрело научный характер и дало начало его развитию практически во всех странах мира, хотя

нельзя отрицать тот факт, что интерес к иностранному праву весьма древнего происхождения [Ансель 1981, с. 36–38]. С таким замечанием нельзя не согласиться, если вспомнить научное использование сравнительного метода философом Платоном, который изучал разнообразные формы государств Италии, Египта, Греции и сравнивал их в своей политической теории. Сравнительный метод использовал в своих исследованиях о государственных формах Аристотель, который, чтобы сделать выводы о закономерностях политического устройства, собрал, сравнил и проанализировал конституции 153 греческих и варварских городов. Таким образом, нельзя полностью отрицать тот факт, что сравнительное изучение законодательства известно с глубокой древности. Однако особенно интенсивно сравнительное правоведение стало развиваться в последние десятилетия. Наиболее распространенными явились исследования в сферах истории, общей теории права, государственного устройства, конституционного права и др. Менее активными оказались исследования сравнительного правоведения в сфере уголовного права, хотя в последние 15–20 лет появлялись интересные работы, посвященные либо чисто сравнительному анализу уголовного законодательства различных стран, либо исследованию уголовного законодательства отдельно взятой страны.

О сравнительном правоведении обычно говорят в том случае, когда сопоставляют различные правовые системы в целом или компоненты различных правовых систем. Сравнительное правоведение получило свое развитие во многих отраслях права, в первую очередь в уголовном праве. Исторический период конца XX – начала XXI вв. характеризуется активной деятельностью Европейских государств по совершенствованию уголовного законодательства. Новые уголовные кодексы были разработаны и приняты в Австрии, Белоруссии, Венгрии, Испании, Латвии, Польше, России, Словакии, Франции, Чехии, Эстонии и др. В некоторых странах были существенно реформированы уголовные кодексы – Болгария, Германия, Швейцария и др. Основаниями для столь активного реформирования уголовного права стран Европы явилось, прежде всего то, что вышла на мировой уровень, количественно и качественно изменилась преступность, появились новые и более опасные ее формы. Мир стал един, и преступность не знает границ. В связи с этим прежнее уголовное законодательство уже не могло в полной мере отвечать требованиям борьбы

с преступностью. Кроме того, в некоторых странах произошли изменения в государственно-политическом устройстве, на карте Европы появились новые государства. Следует отметить, что уголовное право любой страны имеет свою специфику. Она проявляется в содержании основных уголовно-правовых институтов (преступление, наказание), обусловленном историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономики и другими факторами. Взаимопроникновение и взаимообогащение законодательных моделей стало возможным во многом благодаря сравнительному правоведению. Сравнение правовых систем отраслей права и их институтов, отдельных норм разных стран дает возможность лучше узнать свое национальное законодательство и совершенствовать его. Развитие компаративистики в сфере уголовного права определяется настоятельной необходимостью и объективными факторами, требующими ее изучения и развития, и интерес к ней постоянно растет. В связи с этим в настоящее время сравнительное правоведение, в частности, в сфере уголовного права утвердилось как отдельная самостоятельная научная и учебная дисциплина. Сравнительное правоведение в литературе обычно определяют как науку, изучающую правовые системы различных государств: включающие в себя отрасли права, институты, отдельные нормы права, практику их применения. Безусловно, это необходимо с целью получения наиболее полного представления о специфических особенностях той или иной системы правовой системы, о закономерностях ее развития. Сравнительное правоведение дает возможность взаимодействовать и унифицировать свое национальное право. Компаративистские исследования в области уголовного права в нашей стране до самого последнего времени ограничивались в основном изучением законодательств стран, принадлежащих к разным правовым системам, например, Англии, Германии, США, Франции, не касаясь законов других стран.

Между тем Россия, как известно, связана с европейскими государствами единой правовой романо-германской системой права. Тем интереснее сравнить реальное или потенциальное влияние уголовного законодательства европейских стран на развитие уголовного права России. Это тем более важно сделать, поскольку многие страны европейского региона доминируют в мировой экономике, политике

и отличаются более умеренным уровнем преступности и более низким числом осужденных лиц в расчете на сто тысяч населения. Кроме того, современное развитие экономических и политических отношений и связей порождает новые идеи и подходы к регулированию определенных положений в законе. Следует также отметить, что в странах Европы были подобные экономические и общественно-политические условия, они порождали изначальные требования и установки к законодателю. Уголовное право стран Европы имеет сходство в многочисленных законодательных установках; совпадение наблюдается не только в крупных юридических институтах, но и в юридических частностях. Следует отметить, что изменение закона, проведенное в какой-либо стране и доказавшее свою целесообразность, повторялось в других странах с некоторыми модификациями, отражающими специфические условия этих стран или направленными на ликвидацию пробелов и недостатков первого законодательного решения [Давид, Жоффре-Спинози 2003, с. 11–14].

Вопрос о предмете сравнительного правоведения, так же, как и о его объекте в отечественной и зарубежной научной литературе не имеет одинакового решения. Мнения по этим вопросам, в весьма обобщенном виде, представляются следующими несколькими позициями. Одна группа авторов не выделяет предмета сравнительного правоведения, а говорит об объектах. Вторая группа исследователей говорит не об объектах, а выделяет предметы сравнительного правоведения. И, наконец, третья группа авторов, к которым в большинстве своем относятся западные ученые, не проводят различий между объектами и предметами исследования, а выделяют основные группы проблем, решением которых необходимо заниматься. Не вдаваясь в подробный анализ этих точек зрения, следует очень кратко сказать, что под объектами исследования сравнительного правоведения ученые понимают, как правило, не отдельные составные части законодательства (нормы, статьи, правоотношения) или фрагменты правовой жизни, а всю реально существующую в обществе правовую действительность, юридическую структуру общества, включающую в себя все без исключения правовые явления, институты и учреждения [Марченко 2001, с. 108–109; Саидов 2003, с. 25–30].

В качестве предмета исследования выступают общие принципы и закономерности возникновения, становления и развития различных

правовых систем, отраслей права, их институты и отдельные нормы. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права исследует уголовное законодательство, практику его применения, правовые институты, среди которых выступают преступное деяние, вина, субъект преступления, соучастие, стадии преступной деятельности, понятие, цели и виды наказаний, а также уголовно-правовые доктрины. В самом обобщенном виде предмет сравнительного уголовного права можно определить как отрасль права, определяющую основания, принципы и условия уголовной ответственности, цели наказания, виды преступлений и наказаний, назначаемых за их совершение. Конкретно предмет исследования сравнительного уголовного права выбирает автор, в чем именно ему провести свои исследования. Поэтому компаративист, проводящий сравнение, например, российского уголовного права с законами зарубежных стран, неизменно расширяет предмет науки отечественного уголовного права, тем самым обогащая ее новыми знаниями; может быть, какие-то проблемы отечественными наукой и законодательством не решены или решены по-другому, а в зарубежном законе они трактуются по-иному и более позитивно. Это, безусловно, дает основание к заимствованию и пересмотру отечественных законодательных норм, статей, понятий. Сравнительное исследование, таким образом, дает возможность выявить и учесть чужие ошибки и определить достижения, которые следует внедрять в свое национальное законодательство и не допускать (ошибочные, не совсем верные нормы) в своем законе. Исследователи изучают уголовные законы разных стран, чтобы составить о них представление и сравнить со своим внутренним законом, подсказать законодателю необходимость тех или иных изменений. В современном мире нет универсальных моделей правового развития, которые могли бы быть рекомендованы для любой отдельно взятой страны. Существует многообразие форм и способов правовой эволюции, которые вытекали из истории и традиций народа, культуры, морали, нравственности общества. Как свидетельствует мировой опыт, формирование правовых систем нигде не проходило легко и просто. Каждая страна искала свой правовой путь и вырабатывала свою правовую мысль и идею.

Проводя исследование по сравнительному правоведению уголовного законодательства нельзя обойти вниманием теорию правового запрета определенного поведения. Ведь именно с помощью

сравнительного правоведения уголовно-правовых аспектов можно разобраться в сложных вопросах, например, почему некоторые деяния в одних государствах являются правомерными (эвтаназия), а в других – преступными; почему в одних странах поощрительное поведение лиц, совершивших преступление, является основанием для полного освобождения от уголовной ответственности, а в других – лишь обстоятельством, смягчающим наказание; в законодательстве одних стран устанавливается понятие и цели наказания, а в других – об этом даже нет упоминания и т. д. Особую значимость здесь приобретает уровень правосознания населения той или иной страны, нравственность и культура, господствующие в обществе того или иного конкретного исторического периода, который одновременно позволяет выявить причины появления тех или иных институтов уголовного права, проследить эволюцию развития законодательства о преступлениях и наказаниях [Дусаев 1999, с. 74–76].

Важным аспектом в сравнительном правоведении при криминализации деяний имеет значение ценность общественных отношений по охране в целом международного порядка от преступлений международного характера. Сравнительное правоведение в данном случае дает возможность определить, как те или иные государства учитывают нормы международного уголовного права в национальном законодательстве, приводят ли они его в соответствие с международным правом. В российском уголовном законодательстве использовано международное право, например ст. 206 УК РФ – захват заложника (в соответствии с Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников 1979 г.); ст. 174 и ст. 174-1 УК РФ – легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества (в соответствии с Конвенцией Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.); ст. 127-1 – торговля людьми и ст. 127-2 УК РФ – использование рабского труда (в соответствии с Конвенцией о рабстве 1927 г. и Конвенцией о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1951 г.) и др.

Изложенное свидетельствует об определенной унификации уголовного права государств – членов международных соглашений в борьбе с преступлениями международного характера.

Сравнительное правоведение, как уже было сказано, в литературе обычно определяют как науку, изучающую правовые системы

различных государств, отрасли права, правовые институты, отдельные нормы права, практику их применения, с целью получения наиболее полного представления об особенностях и развитии той или иной правовой системы и возможности взаимодействия и унификации права. При этом особо следует отметить, что объекты, входящие в предмет сравнительно-правового исследования, должны быть обязательно сопоставимы. Это означает, что сравнению подлежат лишь однородные объекты, например, понятие преступного деяния, наказания, вины, убийство матерью своего новорожденного ребенка и т. д.

Современное состояние сравнительного правоведения имеет большое значение в исследовании правовых систем современного мира, общетеоретических проблем права, находится в тесной связи с обеспечением правовых основ развития демократии, укрепления законности и осуществления справедливого правосудия. Оно весьма плодотворно в области усовершенствования национального законодательства, в деле разработки, принятия и унификации международно-правовых актов, а также в преподавании юридических дисциплин различных отраслей и наук. Юридические вузы многих европейских стран ввели учебные курсы по зарубежным правовым системам и сравнительному правоведению (например, Бельгии, Японии, во многих государствах Америки, Азии). В частности, во Франции преподавание основных систем современности и сравнительного правоведения является обязательным на всех юридических факультетах. Несколько лет курс сравнительного правоведения читается в ряде юридических учебных заведений России. В частности, в Академии правового университета при Институте государства и права РАН; в МГЮА образована кафедра права Европейского Союза и др. Следует подчеркнуть, что сравнительное правоведение в данном случае связано с повышением общей и правовой культуры студентов, способствует развитию их кругозора, вырабатывает у них знание зарубежного права, в том числе уголовного. Безусловно, это важно как для повышения уровня и качества общеправовых знаний современного юриста, так и для формирования будущих исследователей-компаративистов.

Таким образом, роль и значение сравнительного правоведения как самостоятельной теоретической науки очень велико. Оно заключается в обнаружении закономерностей и развития права, международных связей, в выявлении и заимствовании позитивных положений

в национальные нормы и институты, в повышении образовательного уровня студентов и принятии ими знаний зарубежного законодательства и опыта в его применении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ансель М.* Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права / сост., вступ. ст., пер. В. А. Туманов. М., 1981. С. 37–71
- Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 2003. 400 с.
- Дусаев Р. Н.* Эволюция уголовного права стран Западной Европы и США : учеб. пособие. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. Ч. 1 : Эволюция уголовного права в франко-германской системе права. 342 с.
- Марченко М. Н.* Сравнительное правоведение: Общая часть : учебник для юридических вузов. М. : Зерцало, 2001. 551 с.
- Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. М. : Юристъ, 2003. 448 с.

УДК 34.037

С. М. Иншаков

доктор юридических наук, профессор кафедры международного и конституционного права юридического факультета МГЛУ, профессор; e-mail: insmi@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена исследованию проблематики конституционного обеспечения национальной безопасности. На основе сравнительного анализа конституций различных государств рассматриваются некоторые направления повышения уровня безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: конституция; национальная безопасность; уровни безопасности; сферы безопасности.

S. M. Inshakov

Doctor of Law (Dr.habil.), Professor, Department of International and Constitutional Law, Law Faculty, MSLU;
e-mail: insmi@yandex.ru

CONSTITUTIONAL BASES FOR ENSURING NATIONAL SECURITY

The article is devoted to the constitutional issues of national security. On the basis of comparative analysis of Constitutions of various countries some directions of increase of security level of individuals, societies and states are discussed.

Key words: constitution; national security; security level; security sphere.

Конституция – главный нормативный правовой акт страны. В ней закрепляются базовые положения, которые при своем развитии формируют нормативные механизмы регулирования правоотношений в различных сферах социальной жизни. Не является исключением и сфера национальной безопасности. Основой системы норм, регламентирующих деятельность по обеспечению национальной безопасности в нашей стране, является Конституция Российской Федерации.

Правовой анализ показывает, несмотря на то, что термин «безопасность» используется всего несколько раз, практически все статьи Основного закона прямо или косвенно имеют отношение к обеспечению национальной безопасности.

Термин «безопасность» в Конституции Российской Федерации употребляется восемь раз в семи статьях. В ст. 55 речь идет

о безопасности государства, в ст. 56 – о безопасности граждан, в п. б ст. 72 говорится об общественной безопасности, а в п. «д» той же статьи – об экологической безопасности, в ст. 74 используется понятие «обеспечение безопасности людей». Слова о безопасности государства включены в клятву Президента нашей страны (ст. 82). В ст. 83 указано, что Президент формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации. В ст. 114 говорится о том, что Правительство нашей страны осуществляет меры по обеспечению государственной безопасности [Конституция (Основной закон) Российской Федерации].

Кроме термина «безопасность» во многих статьях Конституции используются близкие по значению понятия и словосочетания: право на жизнь; право на свободу и личную неприкосновенность; государственная защита прав и свобод человека и гражданина; обеспечение обороны; защита конституционного строя; чрезвычайное положение; военное положение; вопросы войны и мира; осуществление мер по борьбе с катастрофами; меры по охране суверенитета Российской Федерации; обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации; защита государственной границы; военная доктрина Российской Федерации; угрозы агрессии против Российской Федерации; обвинение Президента Российской Федерации в государственной измене; отрешение Президента Российской Федерации от должности; охрана общественного порядка.

Контент-анализ свидетельствует, что вопросам безопасности в нашей Конституции уделено значительное внимание. Углубленный анализ показывает, что в Основном законе страны решены фундаментальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности: безопасности человека; безопасности общества; безопасности государства.

Конституционное обеспечение безопасности человека

Конституция Российской Федерации была принята 12 декабря 1993 г. по результатам всенародного голосования. В части, касающейся правовой регламентации вопросов обеспечения безопасности человека, ее по праву можно отнести к одной из лучших конституций мира. Само понятие «безопасность человека» является вполне корректным, в то время как в федеральных законах (например, «О безопасности»

или Уголовном кодексе РФ) используется не совсем точный термин «безопасность личности».

К элементам безопасности человека относятся, во-первых, жизнь, возможность физического существования; во-вторых, нормальное существование и функционирование, исключающее страдание, дисфункции, несвободу; в-третьих, развитие, образ жизни, позволяющий ребенку сформироваться как человеку и в течение жизни реализовывать человеческую сущность, задатки и способности. Анализ конституционных основ обеспечения безопасности человека позволяет наполнить эту схему конкретным содержанием.

В ракурсе первого аспекта безопасности Конституция Российской Федерации гарантирует человеку жизнь и личную неприкосновенность.

В ракурсе второго аспекта: достойную жизнь; свободу, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; право на жилище; право на охрану здоровья; право на информацию об обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей; право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии; честь; доброе имя; право на пользование родным языком; неприкосновенность жилища; неприкосновенность частной жизни; право частной собственности; право на труд, отвечающий требованиям безопасности; право на вознаграждение за труд; право на заботу и защиту (применительно к патронлируемым субъектам: детям, престарелым, больным, нетрудоспособным, малоимущим, женщинам, имеющим детей).

В ракурсе третьего аспекта: свободное развитие; свободу мысли и слова; право на свободное использование своих способностей; право на образование (гарантии общедоступности и бесплатности); свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества; право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям; право участвовать в общественной и государственной жизни; право на отдых; право создать семью и реализовать себя как отца или мать; неприкосновенность семейных тайн; свободу вероисповедания¹

¹ Используемый в Конституции термин «свобода совести» вряд ли можно признать корректным, поскольку он не вполне определен и вызывает ассоциации с понятием бессовестности, внутренней вседозволенности.

(право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой); право на замену военной службы альтернативной гражданской службой, если убеждениям или вероисповеданию человека противоречит несение военной службы.

Конституционное обеспечение общественной безопасности

Термин «общественная безопасность» вполне конституционный. В ст. 72 Конституции нашей страны говорится о том, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся вопросы обеспечения общественной безопасности. Интересен контекст этой статьи – в п. б ст. 72 перечислен следующий комплекс вопросов: «защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон». Тот факт, что общественная безопасность объединена в комплекс с режимом пограничных зон, существенно снижает уровень представления этого вопроса в Конституции. По своей значимости она вполне заслуживала бы самостоятельной главы. Ведь принципиальная схема правового государства такова: общество осознает, открывает высшее право – фиксирует его в качестве законов посредством представительного законодательного органа – формируется позитивное право (отраженное в законах в меру человеческих способностей и политического режима высшее право, идея права) – этому праву подчиняется все в стране (государство и его руководители в первую очередь) – судебная власть пресекает и предупреждает факты нарушения норм права. Так что задекларировав Россию в качестве правового государства (ст. 1 Конституции), вполне корректно было бы закрепить и приоритет гражданского общества и служебную роль государства. До таких высот нашей Конституции подняться не удалось. Более того, по смыслу п. б ст. 72 общественная безопасность рассматривается не как отсутствие подавления общества государством (приоритет гражданского общества над исполнительной властью). Общественная безопасность в этой статье рассматривается как отсутствие массовых беспорядков, низкий уровень преступности. В таком контексте не общество открывает право как высшую справедливость и подчиняет этому праву правительство, а правительство навязывает обществу свои формулировки законов. Подобный подход породил весьма негативную социальную

практику, которую В. В. Путин подверг достаточно жесткой критике. Мышление нашего национального лидера В. В. Путина в значительной мере социологично. Он допускает возможность существования неправовых законов, более того, видит в этом одну из причин российских трагедий. В своем выступлении в ходе встречи с членами семей погибших моряков подводной лодки «Курск» В. В. Путин весьма эмоционально осудил практику неправового законотворчества: «Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!» (Встреча с родными. Стенограмма встречи Президента с родственниками моряков, оставленных на «Курске» // Аналитический еженедельник «Коммерсантъ Власть». – 29.08.2000. – № 34(385)).

Есть немало оснований полагать, что упрощенный подход конституционного видения общественной безопасности не был правовым упущением, ошибкой или пробелом. Дело в том, что за несколько месяцев до принятия данной Конституции (в сентябре 1993 г.) в отношении высшего должностного лица Б. Н. Ельцина парламентом страны была запущена процедура импичмента, и Конституционный суд дал следующее заключение: «Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 г. не соответствует части второй статьи 1, части второй статьи 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 121-8, статьям 165-1, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121-10 или 121-6 Конституции Российской Федерации» [Судебная власть в России 2003, с. 236]. Де-юре Б. Н. Ельцин был отрешен от должности, его место занял вице-президент А. В. Руцкой. Однако де-факто Б. Н. Ельцин отказался сдать свою должность, по его приказу 3 октября 1993 г. здание парламента было расстреляно из

танков. Заступивший на должность Президента Российской Федерации А. В. Руцкой был арестован. Б. Н. Ельцин сохранил полномочия Президента. Под его патронажем была подготовлена новая Конституция, которая и была принята 12 декабря 1993 г. по результатам всенародного голосования. События октября 1993 г. являют собой яркий пример того, как государство подминает под себя общество, практически лишая его субъектности. Новая Конституция не только не усилила гарантий общественной безопасности, но практически низвела смысл этого понятия до общественного спокойствия. После октября 1993 г. достоинство нашего общества было цинично надломлено, и нам всем предстоит значительная работа по утверждению в общественном сознании корректного представления о сущности общественной безопасности, закреплению его в праве и созданию эффективного механизма обеспечения общественной безопасности в том смысле, в каком она предполагается концепцией правового государства.

Несмотря на то, что конституционное обеспечение общественной безопасности далеко от идеала, определенный уровень ее она вполне обеспечивает.

В Конституции Российской Федерации рассматриваются следующие формы социальности: мировое сообщество (преамбула, ст. 63); многонациональный народ Российской Федерации (преамбула, ст. 3 и др.); человеческая раса (ст. 19, 29); этническая нация, носительница национального языка (ст. 19, 26, 29); коренные малочисленные народы (ст. 69); малочисленные этнические общности (ст. 72); население городского или сельского поселения, осуществляющее местное самоуправление (глава 8); общественное объединение (партия, профессиональный союз, иная общественная организация) – ст. 30, 36; временное общественное объединение (собрание, митинг, демонстрация, шествие) – ст. 31; семья (ст. 38).

Всем этим человеческим общностям Конституция нашей страны в той или иной мере гарантирует безопасность, способность нормально функционировать и развиваться. Государство в нашей стране патронирует социум и обеспечивает его безопасность. Главным способом этого обеспечения является конституционный строй, который позволяет обществу оказывать влияние на государство и государственную практику посредством референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления (например, демонстраций, митингов, шествий), через

федеральные и региональные выборные органы власти, а также реализуют гарантированные государством: право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ст. 32); право быть избранным в органы государственной власти (ст. 32); право участвовать в отправлении правосудия (ст. 32); доступ к государственной службе (ст. 32).

Президент Российской Федерации при вступлении в должность клянется верно служить народу (ст. 82), как глава государства он выступает гарантом общественной безопасности.

К числу направлений совершенствования конституционного обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации можно отнести: развитие комплекса социальных обязанностей человека; формирование и развитие механизмов непосредственного народовластия; развитие правового статуса и повышение уровня социальной значимости представительных органов.

В развитии отечественного конституционного процесса весьма продуктивным представляется компаративистский подход – изучение и учет конституционной практики различных государств. Например, ст. 4 Конституции Итальянской Республики устанавливает: «Каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному прогрессу общества» [Конституция Итальянской Республики]. Ст. 14 Конституции Федеративной Республики Германия в целях обеспечения общественной безопасности вводит следующий конфискационный принцип: «Отчуждение собственности допускается только в целях общего блага» [Конституция Федеративной Республики Германия]. Ст. 53 Конституции Китайской Народной Республики декларирует обязанность граждан соблюдать общественный порядок и общественную мораль [Конституция Китайской Народной Республики].

Ст. 71 Конституции Итальянской Республики устанавливает такую форму непосредственного народовластия: «Народ осуществляет законодательную инициативу путем внесения от имени не менее чем 50 тысяч избирателей предложения, составленного в форме постатейного проекта» [Конституция Итальянской Республики].

Ст. 14 Конституции Федеративной Республики Германия наделяет представительный орган народа правом формировать органы

расследования событий, имеющих особый общественный резонанс: «Бундестаг имеет право, а по предложению четвертой части его членов обязан учредить следственный комитет, который собирает требуемые доказательства в открытых заседаниях. Они могут быть и закрытыми. В ходе следственных действий соответственно применяются предписания уголовно-процессуального закона» [Конституция Федеративной Республики Германия].

Реализация в отечественном законодательстве позитивного зарубежного законотворческого опыта – перспективное направление повышения уровня правового обеспечения общественной безопасности в нашей стране.

Конституционное обеспечение государственной безопасности

В преамбуле Основного закона Российской Федерации указано, что Конституция принимается, исходя из ответственности за Родину перед нынешним и будущим поколением. Не удивительно, что вопросам государственной безопасности в этом нормативном правовом акте уделено значительное внимание¹. Из 136 статей нашей Конституции проблемы государственной безопасности прямо или косвенно затрагиваются в 84 статьях². В клятве Президента Российской Федерации это прямо отражено – он клянется защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства (ст. 82). Президент утверждает военную доктрину, формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами нашей страны, назначает и освобождает высшее командование. В его руках находится ядерный чемоданчик – главный инструмент обеспечения безопасности. Он принимает решения о введении военного или чрезвычайного положения на всей территории России или в отдельных регионах страны.

К числу главных составляющих государственной безопасности в Конституции Российской Федерации отнесены: суверенитет России; независимость страны; государственная целостность.

¹Интересно, что в преамбуле Конституции США в качестве одной из целей учреждения конституции является совместная оборона страны.

²Для сравнения: проблемы безопасности человека затрагиваются в 65 статьях Конституции Российской Федерации, а проблемы общественной безопасности – в 79 статьях.

Осуществление мер по обеспечению государственной безопасности Конституция возлагает на Правительство Российской Федерации (ст. 114).

Конституция Российской Федерации установив весьма обширные права и свободы человека и гражданина, не обременила наших сограждан избытком обязанностей. Этак конституционная диспропорция имеет глубокий смысл – она ориентирует наш народ на построение свободного общества. Однако правовая диалектика такова, что прав без обязанностей не бывает. А свободы достоин только тот, кто готов многим пожертвовать ради нее. Федеральное законодательство эту диспропорцию устраняет на основе конституционного принципа приоритета безопасности – права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения безопасности государства (ст. 55). В этом ракурсе Федеральное Собрание Российской Федерации, будучи законодательным органом нашей страны, играет весьма значимую роль в законодательном обеспечении государственной безопасности.

Федеральное Собрание в соответствии с принципом разделения властей Конституцией Российской Федерации наделяется правом выступать барьером неконституционных действий в сфере обеспечения национальной безопасности со стороны как Правительства страны, так и Президента России. Эти полномочия корректно классифицировать на две категории:

- право не утвердить фундаментальные решения высших должностных лиц;
- право поставить вопрос о служебном несоответствии высших должностных лиц.

В части, касающейся первой составляющей (права не утвердить фундаментальные решения высших должностных лиц), полномочия Федерального Собрания Российской Федерации в отношении Президента нашей страны таковы:

- Совет Федерации имеет право не утвердить указ Президента Российской Федерации о введении военного положения;
- Совет Федерации имеет право не утвердить указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;

- Совет Федерации имеет право не разрешить Президенту страны использовать Вооруженные Силы за пределами территории Российской Федерации;
- Совет Федерации имеет право не назначить или не отстранить от должности Генерального прокурора Российской Федерации (отклонить соответствующее представление Президента страны);
- Государственная Дума имеет право отказать Президенту страны в согласии на назначение Председателя Правительства Российской Федерации;
- Государственная Дума имеет право отказать Президенту страны в согласии на назначение или освобождение от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации, Председателя Счетной палаты, Уполномоченного по правам человека (отклонить соответствующее представление Президента страны);
- Государственная Дума и Совет Федерации имеют возможность преодолеть президентское вето, наложенное на тот или иной федеральный закон.

Государственная Дума и Совет Федерации принимают федеральные законы по вопросам: федерального бюджета; федеральных налогов и сборов; финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии; ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации; статуса и защиты государственной границы Российской Федерации; войны и мира. Данные законы создают весьма значимые рамки для деятельности Президента и Правительства страны.

Президенту и Правительству Российской Федерации принадлежит право законодательной инициативы. Однако Федеральное Собрание России имеет право отклонить их законопроекты (не проголосовать за их принятие).

В части, касающейся второй составляющей (право поставить вопрос о служебном несоответствии высших должностных лиц) полномочия Федерального Собрания Российской Федерации в отношении Президента нашей страны таковы:

- Государственная Дума имеет право выдвинуть обвинения против Президента Российской Федерации для отрешения его от должности;

- отрешение Президента Российской Федерации от должности относится к ведению Совета Федерации;
- решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации относится к ведению Государственной Думы. В соответствии со ст. 117 Конституции Российской Федерации Государственная Дума может выразить недоверие Правительству страны.

Государственная безопасность – фундаментальная предпосылка нормальной жизни людей в стране. Государство выступает гарантом безопасности человека и общества. Конституция нашей страны устанавливает обоюдный характер ответственности: государство не только гарантирует индивидуальную и общественную безопасность, но и опирается на обязанности граждан, выполнение которых является фундаментом обеспечения государственной безопасности. К числу установленных Конституцией гражданских обязанностей относятся:

- всеобщая воинская обязанность («защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»);
- налоговые обязанности («каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы»);
- экологические обязанности («каждый обязан охранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам»);
- развивающие обязанности («основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования») – участвовать в эффективной деятельности по обеспечению государственной безопасности могут лишь подготовленные и грамотные граждане.

Конституция Российской Федерации, наделяя человека и гражданина весьма широким спектром прав и свобод, достаточно экономично использует право наделять граждан обязанностями. Для сравнения: в Конституции Китайской Народной Республики на граждан возлагается 16 различных обязанностей, в числе которых защита безопасности, чести и интересов Родины; защита Родины и сопротивление агрессии; охрана единства страны и единства всех ее народов; защита государственной собственности; соблюдение дисциплины; обязанность хранить государственную тайну [Конституция Итальянской Республики].

Ст. 12 Конституции Федеративной Республики Германия устанавливает гражданскую обязанность: «Если в период состояния обороны потребность гражданских санитарных медицинских служб и стационарных военных госпиталей в гражданском персонале не может быть обеспечена на добровольной основе, то женщины в возрасте от 18 до 55 лет законом или на основе закона могут быть призваны на службу подобного рода» [Конституция Федеративной Республики Германия].

Рассмотренные здесь конституционные основы обеспечения национальной безопасности получают развитие в иных нормативных правовых актах: конституционных федеральных законах Российской Федерации, федеральных законах Российской Федерации и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конституция (Основной закон) Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М. : Юрид. лит., 2014.

Конституция Китайской Народной Республики. URL : <http://worldconstitutions.ru/?p=31>

Конституция Итальянской Республики. URL : <http://worldconstitutions.ru/?p=148>

Конституция Федеративной Республики Германия. URL : <http://worldconstitutions.ru/?p=155>

Судебная власть в России. История. Документы : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2003. Т. 6 : Российская Федерация. 2003. 893 с.

УДК 343.914

В. А. Казакова

доктор юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета МГЛУ, профессор; e-mail: vera1313@yandex.ru

УЧЕТ МНОГООБЪЕКТНОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется приоритетность объектов уголовно-правовой охраны по российскому законодательству, рассматривается общественная опасность коррупционных преступлений, в частности взяточничества, подвергаются критике вопросы наказуемости взяточничества.

Ключевые слова: коррупционные преступления; взяточничество; национальная безопасность; наказуемость взяточничества; объект уголовно-правовой охраны; кратные штрафы.

V. A. Kazakova

Doctor of Law (Dr.habil.), Head of Department of Criminal Law, Law Faculty, MSLU; e-mail: vera1313@yandex.ru

ACCOUNT OF THE MULTIFACETED NATURE OF CORRUPTION CRIMES IN THE CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the priority of the objects of criminal law protection under Russian legislation, examines the public danger of corruption crimes, in particular bribery, and criticizes the issues of punishability of bribery.

Key words: corruption; bribery; national security; the punishment for bribery; the object of criminal law protection; multiple penalties.

В России 31 декабря 2015 г. Указом Президента Российской Федерации № 653 была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В ее вводной части указано: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу» [Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683].

Национальная безопасность обеспечивается правовым регулированием, в том числе и в значительной степени уголовно-правовым. Это взаимодействие должно проявляться в единстве принципов, целей, приоритетов, понятий теоретической основы национальной безопасности и ее уголовно-правового обеспечения. При этом, если национальная безопасность – объект уголовно-правовой охраны, а само уголовное право – инструмент в этом взаимодействии, то определяющей должна быть именно национальная безопасность.

Анализ основных нормативных актов позволяет выделить существенные особенности в выборе приоритетов безопасности и ее уголовно-правовой охраны.

В ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» один из аспектов предмета законодательного регулирования раскрыт следующим образом: «Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации...».

Уголовный Кодекс Российской Федерации в ст. 2 практически полностью ориентирует уголовное законодательство на обеспечение национальной безопасности. В ней указаны основные объекты уголовно-правовой охраны: права и свободы человека и гражданина; собственность; общественный порядок и общественная безопасность; окружающая среда; конституционный строй Российской Федерации; мир и безопасность человечества.

Построение Особой части Уголовного кодекса Российской Федерации подтверждают приоритеты, расставленные в ст. 2. Так, первый раздел Особой части посвящен преступлениям против личности, третий – преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, четвертый – преступлениям против государственной власти, седьмой – преступлениям против мира и безопасности человечества. Одна из глав четвертого раздела регламентирует преступления против государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления и содержит шестнадцать статей, четыре из которых посвящены борьбе со взяточничеством.

Для сравнения – в предыдущем Уголовном кодексе, который действовал в 1961–1996 г. г., первая глава Особенной части содержала государственные преступления, вторая – преступления против социалистической собственности, третья и четвертая были посвящены охране прав личности и т. д. Должностные преступления в этом списке занимали седьмое место. В этой главе было всего шесть статей: злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, получение взятки, дача взятки, должностной подлог.

Таким образом, перечисляя по сути одни и те же объекты, ныне действующие нормативные акты по-разному определяют их приоритетность.

Следующая особенность состоит в относительности определения основного объекта в преступлениях. Так, например, в УК РСФСР 1960 г. террористический акт, бандитизм и контрабанда были отнесены к государственным преступлениям. В 1996 г., когда был принят УК РФ, два первых вышеназванных преступления были перемещены в главу «Преступления против общественной безопасности», а последнее – в главу «Преступления в сфере экономической деятельности». В декабре 2011 г. общая норма о контрабанде была упразднена и в последующем заменена четырьмя новыми статьями, классифицирующими контрабанду в зависимости от ее предмета. Две из них, касающиеся денег, а также алкоголя и табачной продукции остались в этой же главе, третья попала в главу «Преступления против общественной безопасности», четвертая – в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». То есть законодатель посчитал, что контрабанда посягает на разные основные объекты в зависимости от ее предмета. При этом, правда, не удалось избежать недоразумений. Так, в качестве предмета контрабанды вместе с сильнодействующими и прочими опасными веществами, оружием и стратегически важными товарами в статью 226¹ УК РФ попали культурные ценности, особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы.

Как видно из изложенного, смена основного объекта посягательства в конкретных преступлениях путем их перемещения в другие главы – процесс достаточно волюнтаристский, не всегда отражающий потребность в этом.

Многokратное увеличение числа составов в главе 30 УК РФ по сравнению с аналогичной главой УК РСФСР вряд ли свидетельствует о повышении эффективности борьбы с должностными преступлениями, так как большинство из них – это частные случаи злоупотребления должностными полномочиями или их превышения. Введение двух новых статей о взяточничестве – «Посредничество во взяточничестве» и «Мелкое взяточничество» – не изменили объема его криминализации, так как эти деяния полностью охватывались ранее действовавшими статьями, учитывая наличие в Общей части УК РФ институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления.

Ученые выделяют минимум три уровня коррупционной преступности в соответствии с должностным положением лиц, совершающих коррупционные преступления:

- коррупция высшего уровня (коррупционная преступность, совершаемая чиновниками федеральных министерств, служб, агентств, а также первыми лицами субъектов Федерации, руководством государственных корпораций);
- среднего уровня (коррупционные преступления, совершаемые, главным образом, представителями бизнеса и государственными служащими, от решения которых зависит успешное развитие и прибыль бизнес-структур, представителями администрации городов и муниципалитетов);
- низовая (коррупционные преступления, совершаемые на бытовом уровне, а также с участием представителей малого бизнеса) [Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности 2011, с. 695].

Анализируя уголовное законодательство, выделяющее шесть частей в ст. 290 УК РФ, взяточничество можно условно подразделить на неорганизованное (ч.1–3 ст. 290) и организованное (ч. 4–6 ст. 290). Аналогичное деление существует в практике борьбы с коррупционными преступлениями в ФРГ (стране, чей уровень пораженности коррупцией достаточно низок). Федеральное управление уголовной полиции ФРГ делит коррупционные правонарушения по признаку ситуативной и структурной коррупции. При этом выявляется около 85 % структурных (организованных) и лишь 15 % ситуативных (неорганизованных) деяний. В России соотношение иное. Так, в первой половине 2016 г. выявлено преступлений: по ч.1–3 ст. 290 УК РФ – 571,

по ч.4–6 ст. 290 УК РФ – 162. Смещение акцентов противодействия на низовые виды коррупции резко снижает эффективность противодействия этому негативному социальному явлению в целом.

В 2016 г. только по официальным данным ущерб от коррупции составил 43,8 млрд руб.¹ Коррупционные преступления на высшем уровне отличаются не только значительными масштабами ущерба, но и особым характером вреда, который они могут причинить экономической и внешней безопасности государства. Истинные масштабы этой преступности оценить очень сложно. По осторожным оценкам экспертов на высшем уровне совершается порядка 10 % всех коррупционных преступлений, причиняющих государству и обществу вред, соразмерный с ущербом от всех иных фактов коррупции. Эффективных механизмов выявления и пресечения такого рода преступлений в нашей стране нет. Соответственно, более 99 % этих преступлений остаются латентными и безнаказанными [Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности 2011, с. 696].

Статистика Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует уровень применимости уголовно-правовых норм о взяточничестве. Так за шесть месяцев 2016 г. за получение взятки осуждены 734 чел., за дачу взятки – 2352 чел., за посредничество во взяточничестве – 65 чел.

За получение взятки наказаны штрафом (в качестве основного наказания) – 411 чел., исправительными работами – 3 чел., лишением свободы – 185 чел., лишением свободы (условно) – 130 чел. При этом в наказаниях по ч.1–3 ст. 290 УК РФ превалирует штраф (65,8 %). Остальные наказания – это лишение свободы условно (19,0 %), лишение свободы (14,6 %), исправительные работы – 0,6 %. По ч. 4–6 ст. 290 УК РФ к штрафу, как основному наказанию, приговорены 23,5 %, к лишению свободы условно – 13,6 %, к лишению свободы – 62,9 %.

Специалисты критически относятся к введению кратных штрафов за взяточничество, так как это не способствует достижению цели восстановления социальной справедливости. Для высшего звена взяточников, систематически получавших от этого преступления сверхкрупные доходы – это возможность избежать реальной ответственности, для мелких чиновников – это иногда непосильное материальное

¹ Интервью Генерального прокурора России Юрия Чайки изданию «Русская весна». URL : <http://rusvesna.su/economy/1481199330>

бремя. Недаром в 2016 г. было подано 964 заявления о замене кратного штрафа лишением свободы (для сравнения в 2015 г. таких заявлений было 752).

Особое внимание следует обратить на ч. 3 ст. 290 УК РФ. По ней осуждено 466 чел., которые получили взятку за незаконные действия. С учетом диспозиции частей 4–6 ст. 290 УК РФ среди осужденных по этим частям также есть лица, получившие взятку за незаконные действия. Поскольку за такими действиями нередко кроются иные преступления, они должны найти отражение в квалификации по совокупности преступлений.

Чиновники, обладающие широким спектром властных полномочий, из корыстных побуждений способны нанести гораздо больший урон общественным отношениям, чем подрыв авторитета государственной службы. Взяточники высшего эшелона власти – это субъекты большой коррупции, которая способна разрушить государство. Это проблема планетарного масштаба, неотъемлемый признак мировой глобализации, о ней пишут криминологи всего мира [Трунцевский, Гехова, Муратова 2016, с. 52; Муди-Стюарт 1999, с. 65].

В действующем уголовном законодательстве, несмотря на большое количество составов, регламентирующих ответственность за взяточничество, все они сконструированы как формальные, т. е. последствия этих преступлений лежат за рамками составов. Понятно стремление законодателя пресечь само деяние, не дожидаясь наличия последствий. Но общественная опасность взяточничества, в основном определяется теми незаконными действиями, ради которых происходит такая сделка. Взятка оказывается катализатором зачастую гораздо более серьезных преступлений, совершаемых не только в экономике, финансовой системе, образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве, транспорте, правосудии и других сферах жизнедеятельности, но и посягает на безопасность государства. Даже когда удастся пресечь получение взятки со стороны чиновников, занимающих высокие государственные должности, далеко не всегда возмещается ущерб от тех незаконных действий, которые они, будучи подкупленными, успели совершить.

Судебная статистика свидетельствует о достаточно редких случаях вменения виновным наряду с получением взятки иных преступлений, которые еще чаще попадают в зону латентности. Система наказаний

за такого рода деяния – отдельный вопрос. По нашему мнению, он вторичен по сравнению с проблемой выявления и пресечения таких деяний, так как общепризнано, что «одно из самых действительных средств, сдерживающих преступление, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности <...>. Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» [Беккариа 1939, с. 308–309].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М. М. Исаева. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с. URL : http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BEKKARIA_Chezare/_Bekkaria_Ch..html
- Муди-Стюарт Дж.* Во что обходится обществу коррупция в верхах? // Экономическая наука современной России. 1999. № 1(5). С. 65–70.
- Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / С. М. Иншаков, А. А. Корсантия, И. В. Максименко и др. ; под ред. С. М. Иншакова ; Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры РФ. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2011. 839 с.
- Трунцевский Ю. В., Гехова Д. Х., Муратова О. В.* Правопорядок и коррупция: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 51–68.
- Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru>

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Образование и педагогические науки Выпуск 1 (770)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Education and Pedagogical Studies Issue 1 (770)
--	---

Ответственные за выпуск 1 (770):
кандидат педагогических наук, доцент Л. В. Юркина;
кандидат юридических наук С. Ю. Кораблева

Редакторы: Н. М. Тимакова, Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскураков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 26.05.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 6,8
Заказ № 1509

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

13.00.00 – Педагогические науки
19.00.00 – Психологические науки
12.00.00 – Юридические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингводидактика», «Педагогическая антропология», «Педагогические науки», «Психологические науки», «Образование и педагогические науки», «Право», «Юридические науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-vestnikedu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна